

**Александр
ЗОЛОТКО**

**ПОД КРОВЬЮ —
ГРЯЗЬ**

Александр К. Золотко
Под кровью грязь
Серия «Наблюдатель», книга 2

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157733

Александр Золотко Под кровью – грязь: АСТ, Фолио; Москва;

ISBN 966-03-0737-3

Аннотация

«Под кровью – грязь» – второй роман трилогии А.Золотко «Наблюдатель». Кровь, однажды смывшая позолоту и разрушившая благопристойную жизнь обывателей, не оправдана ни уверенностью Конторы в том, что все делается для блага «народа» и в поддержку официальной власти, ни убежденностью Палача в праве карать по приказу, ни желанием коммерческих структур оградить себя и свой бизнес от «наездов». Под позолотой – кровь. А что под кровью? Под кровью – грязь, ужас и ... пустота.

Содержание

Глава 1	5
Палач	5
Грязь	8
Наблюдатель	14
Грязь	18
Палач	22
Грязь	26
Наблюдатель	32
Грязь	36
Палач	44
Глава 2	48
Разговоры	48
Суета	52
Наблюдатель	59
Палач	65
Кровь	71
Наблюдатель	75
Кровь	82
Суета	88
Глава 3	91
Палач	91
Наблюдатель	98
Суета	105

Кровь	109
Разговоры	113
Палач	116
Грязь	121
Наблюдатель	127
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Александр Золотько

Под кровью – грязь.

Глава 1

Палач

Ноябрь в этом году начался во второй половине сентября. За короткие промежутки времени, когда по недоразумению солнцу удавалось протиснуться в просветы между тучами, земля не успевала ни прогреться, ни просохнуть. Вода была везде – в земле, в воздухе, в небе.

Тучи тяжело ворочались, прижимаясь к земле, и выдавливали из себя влагу. Ливней не было, просто с туч сочилось на землю, стекало по деревьям, стенам зданий и лицам людей.

Бабье лето закончилось, так и не начавшись, и разом побуревшие листья падали с деревьев тяжело. Даже листопад толком не получился. Кроны просто расплзались прядями выпадающих волос под холодными пальцами непрерывного мелкого дождя.

Палача это устраивало. Люди прятали свои лица под капюшонами и зонтами, и можно было не отводить взгляда от пустых глаз прохожих. Тучи, дождь и туман пригибали лю-

дей к грязи, и в этом Палач видел только проявление справедливости. Грязь к грязи.

Палач был далек от цитирования святого писания. Люди не вышли из грязи – они и были грязью. Такие же липкие, скользкие, засасывающие. Как каждая лужа мнила себя болотом, так и каждый человек мнил себя вершителем судеб и центром вселенной.

Каждая лужа с жадным всплеском хваталась за ноги, надеясь, что уж вот этого то она точно затащит в бездну, проходивший спокойно шел дальше, а лужа разочаровано всхлипывала, забывая что всей бездны в ней – несколько сантиметров. А люди думали, что в них скрыта целая вселенная, что они могут распоряжаться собой и другими... И вселенной в них было только на несколько сантиметров, и могли они только, подобно грязи, лишь испачкаться. И подобно грязи, могли они брать только массой.

Затопить все вокруг, залепить, изгадить – в этом смысл существования грязи и людей.

Палач любил ходить по залитым дождем улицам, рассматривать людишек, копошащихся в грязи под дождем. Придя домой, он яростно отчищал обувь от налипшей грязи, и ему в этот момент казалось, что он делает то, ради чего родился, ради чего живет. Ему казалось, что он убивает.

Палач понимал, что жить ему осталось недолго. Он и так уже украл у них несколько лишних месяцев. Он должен был остаться лежать в яростной духоте июльского ада, там, где

остались... Палач научился не думать об этом. Так вышло. Был ли он виноват, не был – Палач не думал об этом.

Он помнил, как земля скрипела под лопатой, как дождь, теплый июльский дождь, стучал по прошлогодней опавшей хвое, как капли стекали по лицу и какими умиротворенными выглядели лица мертвых, омытые водой.

Палач даже не пытался понять, ощущает ли он вину перед теми, кого забросал землей. Он помнил, что кто-то должен расплатиться за это и знал, что ТЕ, отдающие приказы, тоже понимают это.

Он всегда считал себя оружием. И он продолжал оставаться оружием. Только вот этому оружию очень хотелось уничтожить того, кто считает себя стрелком. И Палач знал, что сделает это. Скоро. Еще не сейчас, но очень скоро.

И не будет никакой жалости, потому что он в своей жизни жалел только двух человек и все-таки дал им умереть.

Тогда, в июльском лесу, Палач почувствовал, как одиночество обрушилось на него, затопило сознание и окончательно отделило Палача от всех остальных. Он остался один. Со-всем один. И ему осталось только одно – дожидаться момента и отдать долги. Он подождет. Он умеет ждать.

Грязь

Бог создал любовь и дружбу, а черт – караульную службу. И еще дождь. И холод. И долбаную армию. И...

Много чего создал черт, чтобы испоганить жизнь рядового Агеева. Под ногами хлюпает, в сапогах тоже уже плещется, как ни старался Агеев обходить лужи.

Хрен их обойдешь, эти лужи, весь пост – одна сплошная лужа, местами сапоги проваливаются почти по голенища. И ветер еще. Мерзкий, пронизывающий насквозь осенний ветер, от которого ни шинель, ни плащ не спасают. Даже зимой и то лучше. Если морозец опускается ниже пяти – положено выдавать тулуп. В таком тулупе даже можно спать в сугробе, Агеев пробовал, нормально.

Может быть, и этот дебил Шустов спал бы на своем посту и все бы получилось гораздо проще.

Проще. Агеев поморщился и сплюнул. Раньше надо было думать, до того как все так обернулось. Козел, какой козел. Руки совсем застыли на автомате, желтый свет фонаря отражался в капельках на стволе и штык-ноже.

Агеев сунул руки в карманы шинели, чтобы хоть как-нибудь вернуть пальцам чувствительность. Потом спохватился и поднес запястье левой руки к глазам. Три сорок. Чуть не проворонил.

Агеев вытащил из подсумка телефонную трубку, подошел

к розетке и подключился. Начальник караула ответил не сразу, Агееву пришлось подождать секунд десять. Спит прапор, нарушает кусок устав, нарушает. А сам, сука, цепляется к оторванной пуговице.

– Да? – голос прапорщика сонный и недовольный, но никуда не денешься – сам требовал, чтобы с постов докладывали часовые не реже одного раза в двадцать минут.

– Докладывает часовой первого поста второй смены, за время несения службы на посту происшествий не произошло.

– Неси службу, – сказал прапорщик, – через двадцать минут смена.

Через двадцать минут смена. Это Агеев и сам знает, прапор всегда выгоняет смену с разводящим за десять минут до положенного времени. Уже больше года Агеев тянет ляжку. Через день – на ремень. Ничего, все когда-нибудь кончается. Кое-что кончится сегодня.

От этой мысли Агееву даже стало жарко, в желудке засало. Сейчас. Агеев потер руки, потом лицо. Господи, сейчас.

Все произойдет именно сейчас, и отменить этого уже нельзя. В часть уже приходил военный дознаватель, задавал вопросы и, если верить ротному писарю, интересовался графиком увольнительных. Не нужно этого, не нужно. И ведь понимал, что рано или поздно все закончится, и ничего не мог с собой поделать.

Агеев оглянулся через плечо в ту сторону, откуда должна была появиться смена. Дорожка между проволочными заграждениями освещена, дождевые капли, словно бы возникают под фонарями, покрывают лужи сетью оспин. Как на лице Шустова.

Нужно поторопиться. Время поджигает и нужно успеть сходить на второй пост к Шустову, а потом вернуться и встретить смену с разводящим напротив холодильника. Там всегда шумела вода. Продовольственным складам нужен мощный холодильник, тут все понятно, только вот зачем пост расположили сразу возле вечно шумящего решетчатого сооружения. Если часовому пришло бы в голову стрелять в том месте, то выстрела никто бы не услышал.

Полгода назад это проверяли сами солдаты. В караулке никто ничего не услышал.

Агеев поскользнулся и упал на правое колено. Ногу обожгло холодом, струйки воды побежали в сапог. Твою мать, задумался. Агеев зло отряхнулся и пошел быстрее. Времени уже почти не осталось. За поворотом, возле границы постов было темно. Слева смутно белела кирпичная стена, справа, за колючей проволокой виднелся фонарь над воротами продсклада.

Агеев на несколько секунд остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте. Еще один идиотизм. Пост освещали тщательно, так тщательно, что все за постом терялось в крошечной темноте. Это чтобы супостат случайно не про-

глядел часового, шутили солдаты. Шутили и регулярно падали, споткнувшись об остатки заграждения.

Возле границы постов, в единственном на всем периметре охраны неосвященном месте никак не могли обрезать металлические остатки опор старого заграждения. Поэтому лучше всего здесь было либо вообще не ходить, либо дать глазам освоиться с темнотой.

Агеев чуть не запаниковал, не обнаружив силуэта Шустова возле границы постов. У этого дебила могло вполне хватить глупости перед самой сменой отойти в противоположный край поста. А что ему, он, наверное, и холода не ощущает.

Нет, стоит. Молодец, Шустов, хоть что-то ты сделал правильно. Первый раз в жизни. И...

Агеев оборвал свои мысли и пошел навстречу Шустову. Шагов тридцать. Правая рука легла на цевье автомата, левая – перед магазином. Двадцать пять шагов. Шустов движется, что-то сказал, но Агеев не расслышал – в ушах шумела кровь, и бухало сердце. Двадцать шагов.

Краем глаза заметил, как прошел мимо знака. Ушел с поста. Юридически он уже ушел с поста, совершил преступление. Все часовые делали это регулярно, сам Агеев неоднократно делал это, чтобы поболтать с часовым второго поста, но сегодня это словно подстегнуло его. Сделало его решение бесповоротным.

Десять шагов. Во рту пересохло, Агеев облизал губы. Сей-

час. Сейчас. Хорошо еще, что лица Шустова в темноте не видно. Просто светлое пятно под капюшоном.

– Чего гуляешь, блин, смена же сейчас пойдет, – наконец разобрал Агеев.

– Я... – попытался было придумать что-то Агеев, но пересохшее горло подвело.

– Чего? – не понял Шустов и остановился.

Поздно. Два шага, до него только два шага. Все, все, все, все... Сердце замерло, подкатившись к самому горлу. Агеев мысленно делал это уже неоднократно, но сейчас на него словно что-то нашло, он не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

– Чего хрипишь, как с хером в заднице? – спросил Шустов.

Руки Агеева с силой подались вперед, штык – нож легко вошел в горло Шустова. Снизу вверх. Агеев почувствовал, как тяжесть наваливается на его автомат, как конец клинка со скрипом уткнулось в черепную кость.

Агеев шагнул в сторону, автомат весом убитого развернуло и наклонило к земле. Тело упало навзничь, сразу слившись с темнотой. В нос ударил сильный запах. Агеев вздрогнул, но к своему удивлению не почувствовал в этот момент ничего, кроме странного удовлетворения.

Получилось. У него и не могло не получиться. Он не зря ходил в увольнения, и не зря военный дознаватель приходил к ним в роту.

Вдалеке сдвояно лязгнули затворы автоматов. Смена.

Его идут сменять. Ничего, он успеет. Он успеет и встретит разводящего и караульных возле вечно шумящего холодильника. Агеев наклонился к телу Шустова, вытащил из под сумки магазин. Нашарил отлетевший в сторону автомат и отстегнул магазин с него.

На ходу засовывая магазины в свой подсумок, почти побегал. Смену надо встречать.

Наблюдатель

Самое трудное – ждать и догонять. Догонять – это пусть голова болит у парней из оперативной группы. Если у них голова может болеть в принципе. Оперативников уважают в Конторе вовсе не за голову. Оперативникам думать не положено. Наблюдателям, кстати, думать тоже противопоказано. Думать должны аналитики. Сидеть и думать. Наблюдатель нужно сидеть, стоять, лежать, ходить, ползать – нужное подчеркнуть – и наблюдать.

И ждать. Вот ждать, это таки да, это таки о наблюдателях. Самые наблюдательские болезни – геморрой и радикулит. Это кроме нервных расстройств и психозов.

Хочу быть оперативником, тоскливо подумал Гаврилин. Знай себе, оперативно реагируй. Прибежал, насовал, кому следует, и домой. До нового вызова.

Гаврилин отложил в сторону журнал, на разворот которого бессмысленно пялился последние пятнадцать минут, и встал. Мы писали, мы писали, наши пальчики устали... Нет, не писали, так просто сидели и старались не смотреть на пульт связи. Мы сидели, мы сидели, наши ... гм ... попы отсырели... заболели...

Ждать. Гаврилин помахал руками, несколько раз присел. Совсем с ума сошел. Между прочим, уже четыре часа утра. Или еще четыре часа. Еще, это если слишком рано проснул-

ся. Уже – если не ложился.

Значит – уже. Уже четыре часа, а он еще даже не прилег. Гаврилин задумчиво посмотрел на стоящий возле стены диван. Это, наверное, специальное начальское издевательство. На-чаль-ственное. Обожаю бессонные ночи, подумал Гаврилин, в них так хорошо думается и наблюдается. К четырем утра особенно славно произносить трудные слова и смотреть на диваны.

Интересно, подумал Гаврилин, если я лягу, через сколько секунд усну? Совсем оборзел, салага. Упал, отжался двадцать раз! Будем возвращать мышечную радость засидевшему телу наблюдателя. Раз, два, раз, два, раз-два, раз-два, раз-два...

На милицейской волне что-то хрюкнуло, Гаврилин замер на полусогнутых руках, прислушался. Ничего особенного, это на другом конце города. Это не у складов.

Гаврилин встал, задумчиво посмотрел на руки. Полы у нас в конторе не моют по принципиальным соображениям безопасности. Или это грязи натаскали всего за один день? Вопрос по существу с переходом в риторический.

Пойти бы помыть руки. Или умыть? Понтий Пилат нашелся. С понтом Пилат. Умывальник, между прочим, в туалете, туалет в конце коридора, а у нас в любой момент могут начаться неприятности.

Вернее, неприятности будут в любом случае, но лучше, чтобы не у нас. И не у наших подопечных. Гаврилин отрях-

нул руки и вернулся на стул перед пультом.

Так жить, в общем-то, можно. Сидишь в тепле, в сухости. Ребята из наружки сейчас топчутся по колено в грязи и по трупы в дожде. Это просто замечательно, что наблюдатели не занимаются наружным наблюдением. Наблюдатель – это как наблюдающий врач, главная задача которого вести историю болезни и расписаться в свидетельстве о смерти.

Гаврилин взял со стола листок распечатки. Агеев Андрей Иванович, девятнадцать лет отроду, второй год службы, характеризуется положительно, семья... Семья как семья. Не был, не привлекался, не состоит. Не замечен.

Хрен там не замечен! Еще как замечен. Если бы не Контора – уже сидел бы в следственном изоляторе. Или на гауптвахте, пока решался бы вопрос о передаче гражданским властям. Шкодливая сволочь. Мягко сказал, сказывается недосып.

Гаврилин положил распечатку на место. Сволочь, конечно, редкостная, если верить бумаге, а ей верить стоит. Почему именно его выбрал Палач из всего обилия вариантов? Загадка природы.

Палач никому ничего не объясняет. Ему, кстати, тоже ничего не объясняют. И Гаврилину тоже никто ничего объяснить не собирается. И все бы ничего, только вот высокое начальство совершенно спокойно может спросить господина Наблюдателя, а чего это, собственно, Палач выбрал Андрея Агеева и что, собственно, Андрей Агеев собирается делать в

карауле? И почему это, собственно, Палач выбрал для ухода Агеева именно караул.

Дали бы сучонку увольнительную, и пусть себе гуляет. Хватились бы солдата только почти через сутки. Над этим стоило бы поразмышлять. Только голова думать не хочет, голова хочет спать. Спа-а-а-ать. Вот еще не хватало вывихнуть челюсть.

На милицейской волне оживленно общались, но не по нашему делу, отметил удовлетворенно Гаврилин. Вот если бы по нашему, тогда пришлось бы посуетиться, поднимать оперативников, дергать координатора и так далее и тому подобное, что, естественно, внесло бы некоторое оживление в предрассветное бдение, но особой радости не доставило бы.

Лето прошло. Словно и не было. Какое лето? Я и слова то такого не знаю. Хотя нет, что-то такое, припоминаю, лет сто назад. Солнце помню, жару, потные женщины, теплая водка. Хотя о женщинах – не стоит. Или не стоит?

Не стоит вспоминать июль. Совсем не стоит. Гаврилин встал со стула. Увлёкся воспоминаниями, козел. Сколько раз себе говорил – забудь. Так нет же, снова туда же. Упал – отжался.

Грязь

Смена еле идет. Как в замедленном кино. Разводящий спереди, смотрит под ноги, главное не поскользнуться и не загреметь физиономией в грязь. Младший сержант Иванов у нас очень печется о своей внешности.

Это ж какое падение авторитета – вляпаться в грязь на глазах у салобонов. А те еще толком не проснулись. Всего двадцать минут назад их подняли с топчанов. У них соображения хватило только на то, чтобы зарядить автоматы под контролем разводящего. Хлюпают, не разбирая дороги, брызги летят во все стороны.

Медленно, не торопясь, идут, Агеев поднял автомат к плечу, прицелился. Медленно, не торопясь. Иванов никак не поглядит перед собой, урод. Агеев попытался подстегнуть себя, разозлить. Не думал, что будет так трудно это сделать.

А тут еще пальцы совсем застыли. Приклад поплотнее вжался в плечо. Сейчас... Черт, Агеев чуть не выругался в голос. Мушка совсем не видна на темном фоне силуэта.

Один из караульных все-таки поскользнулся, но не упал. Идущего впереди разводящего обдало водой из лужи. Оборачивается. Медленно, как будто движется в чем-то вязком. Сейчас он будет объяснять молодому, что нужно смотреть под ноги, что он ему покажет в казарме почем фунт лиха, слов не слышно – шумит холодильник, только штыки в би-

серинках дождя подрагивают в свете фонаря.

А у меня штык темный, подумал Агеев. Это от крови. От крови Шустова, который лежит сейчас возле колючей проволоки, как куча дерьма. И вообще, хрен с ней, с мушкой. Тут всего метров десять.

Агеев набрал в грудь воздух и нажал на спуск. Автомат вздрогнул, и в плечо ударила отдача. Разводящего словно в спину толкнуло. Он резко качнулся вперед, караульный не успел его подхватить, тело младшего сержанта ударилось о подставленную руку и упало на землю.

Караульные выстрелов не услышали. Тот, который стоял впереди, решил, что разводящий поскользнулся и наклонился, чтобы помочь ему подняться. Второй караульный ничего подумать не успел. Он вдруг увидел, как впереди полыхнуло и почувствовал, как огонь ввинчивается ему в грудь.

Агеев увидел, как караульный, которого он решил убить первым, наклонился, но на спуск все – равно нажал. Пули попали в заднего и опрокинули его на спину.

Мысль о том, что караульный пригнулся, чтобы уклониться от пули мелькнула и исчезла. Агеев шагнул вперед и длинной очередью прошил темные силуэты. Внезапно нога потеряла опору, Агеев потерял равновесие и с размаху, не успев даже выставить руки, упал лицом вниз.

Боли не было, был только ужас, охвативший Агеева в тот момент, когда грязь мгновенно ослепила его. Он чуть не захлебнулся ледяной жижей, закашлялся, попытался вскочить,

снова упал, забил ногами по грязи и перевернулся на спину.

Сейчас его убьют, мелькнула паническая мысль. Сейчас оставшийся в живых караульный расстреляет его в упор. А он ничего не видит, грязь залепила глаза, он даже не услышит выстрела, шум от холодильника перекрывал все звуки. Агеев опрокинулся на бок, лихорадочно оттирая лицо, перекатился в луже уже не ощущая того, что вода холодная. В тень, за дерево, быстрее.

Выстрела не было. Не было. Агеев, наконец смог открыть глаза. Никто не шевелился и не целился в него. В темных кучах грязи человеческие силуэты угадывались с трудом. Лежат.

Агеев встал. Где-то здесь должен быть его автомат. Не видно. Чертова лужа. Блин, что теперь делать? Агеев даже наклонился, чтобы поискать автомат.

Твою мать, чего это он? Совсем голова отказала. Вон же три автомата лежат, дожидаются. Агеев подошел к лежащим. Фонарь освещал неплохо, но увиденное не произвело на Агеева особого впечатления. Крови не было видно. Темное на темном. Один караульный лежит на спине, глаза открыты, а на лице даже нет удивления. Только в уголке рта появилась темная струйка, но падающие капли дождя уже размывали ее.

Второй караульный лежал лицом вниз, на брезентовом плаще было видно несколько темных пятен вокруг аккуратных отверстий. Повезло.

Повезло мне, подумал Агеев, случайно его достал. А ведь все могло быть иначе. Все вообще могло быть иначе, если бы он смог удержать себя в руках и не трогать ту малолетку.

Потом обо всем подумаю, потом. Сейчас нужно в караулку. Нужно, чтобы времени не прошло больше чем обычно нужно для смены двух часовых.

Агеев стащил автомат с плеча убитого, сдвинул флажок предохранителя в среднее положение, на автоматический огонь. Оттянул затвор, отпустил. Автомат лязгнул. Агеев еще раз наклонился над убитыми, чтобы забрать магазины с патронами. Потом мельком взглянул на часы. Четыре ноль пять. Успеваю, подумал Агеев и, не торопясь, пошел к караульному помещению.

Палач

Палач был спокоен. Все мероприятие, которое он несколько раз проговаривал с этим мальчишкой, вызывало в нем легкую брезгливость, как, собственно, и сам мальчишка.

Типичный представитель человечества – мелкий, скользкий и с жадой делать пакости. Он даже не пытался выкручиваться, когда Палач изложил ему краткое описание того, что этот солдат вытворял, вырвавшись за пределы части. Андрюша сразу сник, побледнел, и на висках его выступили капельки пота.

Только когда Палач сказал, что может предложить выход из тупика, Агеев оживился и уже не сводил преданных глаз с Палача. Он даже не поинтересовался, зачем все это нужно делать.

Мальчишка подробно и с пристрастием выпросил все, касающееся своей дальнейшей судьбы, поинтересовался очень по-деловому некоторыми техническими деталями и даже внес свои предложения. Он очень вдумчиво относился к вопросам своей безопасности, юный гаденыш.

А чего, собственно, ожидать? Люди... Ничего, просто некоторое время Палачу придется потерпеть вынужденное близкое общение с людьми, даже самому придется притворяться человеком. Потерпит.

Палач посмотрел на часы – четыре ноль пять. Осталось

совсем немного ждать. Наверное, если сопляк не передумал в последнюю минуту, все уже началось и минут через пятнадцать Агеев вынырнет из темноты под свет уличного фонаря на повороте. Палач усмехнулся.

Это хорошая мысль – заставить солдатика постоять в круге света, после того, как он все это сделает. Пусть почувствует себя мишенью, осознает свою незащищенность. По своему опыту общения с людьми, Палач знал, что именно испуганные и затравленные люди способны на все что угодно, выпускают наружу свою сущность, перестают даже пытаться контролировать себя.

Палач закрыл глаза. Ему совершенно не хотелось спать, он великолепно контролировал себя, просто за последние два часа полутемный проезд перед ним, с фонарем в конце и пошарпанным жигуленком впереди несколько поднадоел. Интересно, кстати, как там, в жигуленке Жук. Вот уж кому хочется поспать, наверняка. Четыре часа утра – самое трудное время.

Если уснет... Палач открыл глаза. Если уснет Жук, у Палача будет хороший повод провести перед группой показательную акцию. Они еще не до конца поверили в то, что он им говорил. Осознали, Палач видел это по их глазам, но не поверили. И кстати, если Жук не заснет, то в любом случае придется подобрать кандидатуру.

Все вокруг виделось расплывчатым и туманным, стекла были залиты водой, но Палач «дворников» не включал.

Успеет, он и так прекрасно чувствует все происходящее, это пусть наружное наблюдение беспокоится о хорошем обзоре.

Палач уже давно не пытался определить, следят за ним или нет. Наверняка следят. Они хотят контролировать его – пусть потешатся. Они смогут смотреть, а вот смогут ли они увидеть... А, увидев – смогут ли понять?

Ничего, очень скоро он им все объяснит. Очень подробно и доходчиво. Даже для людей.

Им кажется, что они могут в любой момент ему приказать? Могут. Приказать могут. Вот сейчас он выполняет их приказ, только вот как им понравятся способ его выполнения? А если даже не понравится, что с того? Они проглотят эту пилюлю и сделают вид, что так все и должно было происходить.

Палач попытался себе представить, как кто-то сейчас сидит в ожидании сообщения обо всем происходящем и боится, что все может сорваться. И сам даже не представляет, что должно произойти. Ну что ж, это будет для него сюрпризом. Это будет сюрпризом для них всех.

Дождь усилился, по лобовому стеклу стекали уже не капли, а потоки. По крыше стучало. И еще ветер. Великолепная безумная погода. Палач включил, наконец, «дворники». Скрип – скрип, скрип – скрип, скрип – скрип. Напоминает замедленные удары сердца.

В салоне машины Жука мигнул свет. Не спит, закурил. Он тоже толком не знает что происходит. Сидит, наверняка,

весь напряженный, крутит головой, волнуется. Или нет, Жуку уже довелось повидать и самому наворотить. Нет, все равно волнуется. Вот Наташка, та сидела бы совершенно спокойно, жевала свою неизбежную жвачку и напевала что-то беззвучно. И это не от бесстрашия. Ей просто на все наплевать, она и в группу попала только потому, что ей действительно было на все наплевать и это позволило ей вытворять такое, что даже Палач на долю секунды не поверил в это.

Ей тоже сегодня найдется дело. И она сегодня ждет. Бедняга Агеев, который сейчас работает для спасения своей драгоценной жизни, даже не представляет, что это вовсе не финал, это только начало.

Грязь

Возле караулки Агеев остановился. Теперь нужно действовать особенно осторожно. В караульном помещении еще трое: прапорщик и двое караульных, Зимин и Жильников. Прапор дремлет на топчане у себя в комнате, Зимин и Жильников мечтают о том, чтобы лечь покемарить. Значит сейчас прислушиваются, не пришла ли смена.

Агеев положил на асфальт возле крыльца два автомата, которые забрал у убитых. Третий снял с предохранителя и дважды передернул затвор. Два патрона отлетели в сторону. Это значит, что караульные оружие разрядили. Сейчас или Зимин, или Жильников откроют дверь. Лучше, чтобы Зимин.

Жильников слишком любопытен и может высунуть голову наружу. Агеев спохватился, снял с автомата штык – нож, автомат повесил на плечо. Вряд ли, конечно, обратят внимание, но лучше не рисковать. В караулку входят без штык-ножа. Пристегнутый магазин не заметят за спиной.

Лязгнул засов, и обитая железом входная дверь открылась. Зимин. Агеев шагнул в дверь, оттесняя караульного.

– Как жизнь? – спросил с порога и сам удивился, как легко это у него получилось.

– Нормально, – ответил Зимин, – а где там остальные?

– Шустов заляпал Иванова. Тот его ебукает, а мне надоело

мокнуть...

– Ага, – кивнул Зимин, – скажи чтобы быстрее – спать пора.

– Да уже идут, не переживай.

– Только не натаптывай сильно, мыть придется, – Зимин неопределенно махнул рукой и пошел по коридору.

Направо, подумал Агеев, в сральник. Хрен с ним, главное сейчас разобраться с прапором, у него пистолет. Остальное оружие в пирамиде у него в комнате.

Агеев осторожно закрыл за собой входную дверь, стараясь не греметь, задвинул тугой засов. Снял автомат с плеча.

В караулке все выглядит по-другому. Там, на посту были лишь силуэты. Темные, насквозь промокшие силуэты. Здесь ярко светили лампы, было тепло и сухо. Агеева бросило в жар. Стрелять придется в упор, комнаты небольшие. Отступить поздно.

Он должен это сделать. Должен и все. Ему не оставили выбора. Либо он сделает все до конца, как потребовал тот ... мужик, либо...

Сердце екнуло, и желудок судорожно сжался. А если он обманул, если все это он делает напрасно? Потом, об этом потом. Он уже зашел слишком далеко, чтобы останавливаться.

Агеев двинулся по коридору налево, мимо комнаты отдыхающей смены и столовой. На пороге комнаты бодрствующей смены остановился. Жильников сидел спиной к двери и

что-то писал. Наверное, одной из своих блядей. Жильников переписывался почти с двумя десятками телок и часто читал вслух письма от них гогочущей казарме с комментариями.

Поплачут девки, механически подумал Агеев, наревутся. А ему какое дело? Что он, девок плачущих не видел? Еще как! Если бы не это, он бы, может, и не целился сейчас в спину земляка. А ведь вместе призывались, шевельнулось воспоминание. Как будто сто лет назад.

Не отводя глаз от спины Жильникова, Агеев подошел к двери в комнату начальника караула, толкнул дверь и вошел.

Здравствуйте, здравствуйте. Начальник караула изволили дремать, сидя на спине. Сука, ведь спит же в неположенное время, а попробуй подремать в бодрствующей смене. Агеев навел ствол автомата, палец лег на спуск, и в этот момент прапорщик открыл глаза.

Агеев дал ему три секунды на то, чтобы прапорщик понял, что это не сон. Удивление сползло с лица начальника караула, уступая место гримасе страха. Прапорщик попытался встать, рот открылся, но больше ничего прапорщик сделать не успел.

Очередь получилась длинная, две или три пули прошли грудь и лицо начальника караула, ствол автомата повело вверх, и остальные пули ударили в батарею парового отопления за топчаном. Комната почти сразу наполнилась паром, вода хлынула на еще вздрагивающее тело начальника караула, мгновенно окрашиваясь в красный цвет.

Агеев метнулся назад, успел рассмотреть недоумение на лице обернувшегося Жильникова и снова нажал на спуск. Пули прошли навывлет, звякнул, разлетаясь осколками, графин с водой, полетела штукатурка со стены.

Агеев почти оглох от грохота, он не разобрал, вылетел ли хоть один звук из открытого рта Жильникова, не понял, от чего звенело в голове – от выстрелов, или от крови, которую гнало взбесившееся сердце. Потом, это потом. Найти Зимина, пока этот засранец не побежал к двери.

В три прыжка преодолев коридор, Агеев вышиб ногой дверь туалета. Зимин шарахнулся от двери. Все-таки успел штаны надеть, подумал Агеев отстраненно, только ремень еще не нацепил.

– Что? – спросил Зимин.

– Дембель у меня, – сказал Агеев, – досрочный.

Зимин попятился к окну, закрытому ставнями:

– Не...

– Вот такие дела, – сказал Агеев и выстрелил.

Пуля попала в плечо, Зимин крутанулся на месте, на стену полетели брызги крови. Агеев выстрелил снова, и очередь прошла по ногам. Зимин рухнул на пол и закричал. Он даже не пытался ползти или сопротивляться. Он просто кричал, надрывно и тоскливо.

Агеев медлил, словно зачарованный он смотрел на искаженное болью и страхом лицо Зимина. Непонятное чувство заполняла всего Агеева, радость? наслаждение?

Почти как в увольнительных, только в его власти были не малолетки. Агеев наклонился к Зимину, чтобы заглянуть в глаза. Что он сейчас чувствует? Просто боль? Или еще что-то? Страх? Чего он боится, смерти или его, Андрея Агеева?

Время словно остановилось для Агеева. Он ткнул стволом автомата в лицо лежащего, ствол скользнул по груди, к животу. Здоровой рукой Зимин неожиданно схватился за ствол, от толчка палец Агеева потянул спуск. Очередь распорола живот Зимина. В лицо Агеева плеснуло теплым, он шарахнулся назад, ударился спиной в стену.

– Сволочь! – Крикнул он.

Палец словно судорогой свело на спуске, пули кромсали лежащее тело, отбрасывая в сторону ошметки плоти.

Потом наступила тишина. Агеев с трудом разогнул пальцы. Все. Вот теперь действительно все.

Он отсоединил пустой магазин и бросил его на пол. Вытащил из подсумка запасной, пристегнул, дослал патрон в патронник. Не торопясь, прошел по коридору. Вода из батареи парового отопления залила все в комнате начкара и растекалась дальше. Агеев, хлюпая сапогами, подошел к телу прапорщика, потянул его за ногу. Тяжело. Потом тело сползло с топчана, голова тяжело ударилась об пол.

Агеев расстегнул кобуру у прапорщика и потянул пистолет. Вытащил запасную обойму. Выпрямился, и руку что-то дернуло. Он забыл отстегнуть ремешок от пистолета. Агеев дернул сильнее, но ремешок не поддавался, тело прапорщи-

ка выгнулось.

Агеев нащупал на рукояти пистолета карабин и с трудом отстегнул его. Нормально. Теперь можно идти.

Мельком глянул на тело Жильникова, сунул пистолет в карман шинели, автомат взял в руки.

Подошел к двери, отодвинул засов и оглянулся. На светло-сером линолеуме коридора чернели жирные комья грязи. Натоптал, подумал Агеев, ничего – помоют.

Наблюдатель

Земное притяжение вело себя просто подло. Голову клонило вниз, веки опускались стремительно, а вот подниматься не хотели вовсе. Гаврилин встал со стула и двинулся широкими шагами вокруг пульта.

И даже словом перекинуться не с кем. Это политика руководства, чем меньше общаются, тем меньше треплются. Хотя, это логично. Тот, кто никогда не выболтает свою тайну, легко может трепануться о тайне чужой.

Гаврилин знал твердо, что пока единственная тайна, которой он владеет – вообще существование Палача на свете. Правда, этой тайной он владел не единолично, было еще человек десять, но Гаврилин был один из немногих, кто представлял себе весь объем функций и возможностей Палача.

Гаврилин остановился, сделал четкий поворот кругом и двинулся вокруг пульта в противоположную сторону. Чтобы голова не закружилась. От избытка информированности. Грустно, конечно, признаваться даже самому себе, но именно слово «представлял» наиболее полно характеризовало уровень информированности Гаврилина. Представлял. Его все еще продолжали держать на голодном пайке.

Это злило, и злость даже отогнала немного сонливость. Какого черта, в самом деле! Гора все время рождает мышь. Несколько лет подготовки, тренировки, инструктажи, тесты

– и все это только для того, чтобы выполнять чисто диспетчерскую работу. Поезд «Москва – Воркуту» прибывает на пятую путю. Шютю.

При первом знакомстве с работой, Гаврилину показалось, что теперь в его руках нечто важное и опасное. Наша служба и опасна и трудна. И не видна не только на первый взгляд, но и на второй, и на третий, и даже на ощупь не определяется.

Совсем, абсолютно. Даже если возникнет экстремальная ситуация, выяснится, что Палач вот в настоящую секунду прокололся, что надо действовать стремительно и однозначно, задачей Гаврилина будет вначале стремительно сообщать информацию координатору, а потом однозначно дожидаться дальнейших указаний.

Вы стали мелким чиновником, господин Гаврилин. Вы пропитываетесь пылью и запахом чернил. Брюки ваши лоснятся на заднице, а пиджаки – на локтях.

Скоро вы начнете полнеть, лысеть, терять форму. Хотя вот это грозит вряд ли. Гаврилин вспомнил свою попытку уклониться от одной из регулярных тренировок, и на душе потеплело. Нет, о его физическом здоровье начальство беспокоится, надеется, наверное, что в здоровом теле откуда-нибудь возьмется здоровый дух.

Может и возьмется. А пока внутри даже не дух, так, душок.

В динамике на пульте щелкнуло и голос, почти не искаженный помехами сказал:

– Папа, ты меня слышишь?

Гаврилин рухнул на стул и торопливо нажал на клавишу:

– Слышу, сынку, слышу.

– Мы уже расходимся по домам, я решил немного поката-
ться на машине с ребятами.

– Только там осторожнее на дороге.

– Не волнуйся, папа, и передай привет маме.

Наружка развлекается. Благо, в Конторе не особенно сле-
дят за формой передачи информации. Все понятно и все в
порядке. На настоящий момент. Ясно сказано – поехали ка-
таться, значит, все прошло более – менее спокойно.

Можно смело информировать начальство. Гаврилин на-
жал кнопку на пульте. Загорелся огонек. Зеленый. Через де-
сять секунд напротив него замигал красный. Можно спокой-
но отключать пульт и решать, как провести остаток ночи.

Гаврилина с самого начала умилял пульт связи. Как в ста-
рых шпионских романах. Даже с начальством нет прямой те-
лефонной связи. Кому нужно – звонят, наблюдатель подни-
мает трубку. Все остальное путем нажатия кнопочек. Они
тут предусмотрены на все случаи жизни, если можно жизнью
назвать подобные ночные бдения.

Гаврилин задумчиво постучал пальцами по крышке пульт-
та. Согласно инструкции, после получения сигнала (красный
индикатор номер три) следует обесточить пульт путем на-
жатия кнопки «Стоп». После чего пульт с места оператора
включен быть не может.

Доверяют в Конторе сотрудникам. Ой, как доверяют. Просто изо всех сил. Просто как старый академик Павлов своим собакам. Лампочка загорелась – началось обильное слюноотделение. Звоночек звякнул – собачка прячется в угол, успев обильно справиться естественную нужду.

Гаврилин кулаком стукнул по грибовидной шляпке красной кнопки. Динамики заглохли, индикаторы вкупе с лампочками – погасли. Гаврилин размял затекшую шею.

Люблю я свою работу. Как проклятый. И начальство свое, тоже, люблю. Жаль, в лицо не знаю. Скромное начальство в Конторе, напрямую с мелкой наблюдающей сошкой не общается. А те господа, что из себя начальство изображают, это Гаврилин понял почти сразу же, его только изображают. Талантливо, но изображают.

Гаврилин встал из-за пульта, стал в драматическую позу и процитировал единственную известную ему фразу великого российского режиссера Станиславского: «Не верю!». Громко и выразительно.

Все-таки начальство хорошее, подумал Гаврилин, диван распорядилось поставить. Теперь можно его использовать по прямому назначению.

Гаврилин сел на диван, стащил с себя ботинки, аккуратно поставил их ближе к ногам и лег. Успел еще лениво подумать о том, что свет стоило бы выключить, но тут же уснул.

Грязь

Дождь усилился, и с неба лилось одним сплошным водопадом. Заливало глаза, плащ, шинель и все остальное промокли насквозь, но Агеев холода не ощущал. Ему было жарко. Все, он сделал это, и теперь все будет нормально.

Все просто должно быть хорошо. Тот странный мужик, который разговаривал с Агеевым, твердо обещал, что вытащит его из этой истории. Должен вытащить.

Тяжело выдирая сапоги из грязи и стараясь при этом удерживать на плечах пять автоматов, Агеев напрямую, через голую лесопосадку выбрался к дороге. Никого и ничего не видно, только фонарь тупо освещает проносящиеся мимо него струи дождя. Прежде чем ступить в круг света, Агеев огляделся. Вроде бы машина стоит неподалеку. Разобрать трудно. Сейчас все выяснится само собой, нужно просто постоять под фонарем. Агеев потоптался возле границы между светом и тенью. Стремно.

Агееву очень не хотелось покидать спасительную темноту. Увидит вдруг кто. А если не станет на свет – никто не подберет. Нужно либо делать все, либо не начинать этого вообще.

Всего один шаг. Агеев глубоко вздохнул и чуть не закашлялся. Этим дождем свободно можно захлебнуться. Все. Агеев решительно шагнул вперед.

Ничего, естественно, не изменилось, просто исчезло все

вокруг. Был желтый свет сверху, блестящая мишура дождя и он, Андрей Агеев, выставленный словно экспонат.

Или мишень, подумал Агеев через минуту. Глупо, конечно, но он не мог избавиться от мысли, что кто-то сейчас целится в него из темноты. Кому это нужно?

Наконец холод его настиг. Мышцы начали деревенеть. От холода или от страха? Все будет нормально. Кому это может быть нужно – подставлять его? А кому может быть нужно его вытаскивать?

Агеев почувствовал, как судорога свела скулы. Губы начали дрожать. Не может быть. С ним не могли поступить так. Как? Он ведь смог сделать это с людьми в караулке, смог же он сделать это с теми малолетками? Смог? Чем он лучше их?

Бросить все и бежать. Караула хватятся, в самом худшем случае, часов в семь. Крайний срок – в девять, когда привезут завтрак. У него еще есть от двух до четырех часов, чтобы попытаться скрыться.

Агеев вспомнил приказы, которые доводились несколько раз до личного состава. Сбежал, расстреляв караул, был обнаружен. И либо задержан, либо убит в перестрелке.

Нужно стоять и ждать. Его заберут, все будет нормально. Агеев всхлипнул неожиданно для самого себя. Губы кривились, и Агеев ничего не мог с собой поделать.

Рыдания начали сотрясать тело, Агеев присел на корточки и закрыл лицо руками. Несправедливо, несправедливо.

Его расстреляют. Перед глазами всплыло удивленное ли-

цо Жильникова, искаженное ужасом и болью лицо Зимина. Шум дождя превратился в шум горячей воды, льющейся из разбитой батареи на изуродованное лицо начальника караула.

Агеев не сразу услышал звук мотора. А когда понял, что рядом с ним остановилась машина, резко выпрямился. Автоматы слетели с плеча, и он с трудом удержал их за ремни рукой. Больно ударило по колену.

– Долго собираешься так стоять? – спросил голос из темноты.

– Я... нет, то есть... это.

– Сюда иди.

– Я, да... – Агеев еще не веря, шагнул в темноту и увидел жигули шестой модели. Окно водителя было опущено и Агеев рассмотрел за ним темный силуэт.

– Железяки свои положи в багажник и прикрой брезентом.

– Да, я сейчас. – Агеев почти бегом бросился к багажнику, нашарил замок. Дрожащие пальцы скользнули несколько раз, потом крышка багажника поднялась.

Агеев подхватил автоматы в охапку, как доски, сунул их между запаской и канистрой, стащил с себя ремень с под сумком и штык – ножом, бросил на автоматы. Негнущими пальцами зацепил край брезента, лежавшего там же. Прикрыл оружие. Захлопнул багажник.

Что дальше? Сердце остановилось. Агеев представил се-

бе, как машина рывком набирает скорость и исчезает в дожде. Агеев шагнул было к водителю, но со щелчком открылась дверца с другой стороны.

Можно садиться. Агеев на негнущихся ногах подошел к открытой дверце и остановился.

– Какого черта? – недовольно спросил водитель, – Я потом салон не прогрею, залазь быстрее.

– Спасибо, – пробормотал Агеев и сел на переднее сидение.

Машина сразу же тронулась.

– Спасибо, – повторил Агеев, – я уж думал...

– Не надо.

– Что?

– Не надо думать, от этого морщины появляются. И на меня так пялиться тоже не надо. Мозоль натрешь.

Агеев сглотнул и отвел взгляд.

Фары машины пробивались сквозь дождь всего на несколько метров. Меня не обманули, подумал Агеев, не обманули, все нормально.

– Куришь? – не отрывая взгляда от дороги спросил водитель и, не дожидаясь ответа, сунул Агееву пачку сигарет и зажигалку.

– Спасибо, – Агеев и сам не понял, почему решил закурить. Никогда даже не было соблазна, ни в школе, ни в армии. Он бы сейчас сделал все, что приказал бы водитель. Агеев затянулся и захлебнулся дымом, закашлялся.

– Курить – здоровью вредить, тем более что Минздрав предупреждает, – сказал водитель.

Агеев откашлялся и теперь сидел с зажженной сигаретой в руках, не зная, что с ней делать.

Машина остановилась.

– Выходи.

– Что?

– Выходи, сказал, – водитель переклонился через ноги Агеева и открыл дверцу.

– Как?

– Молча.

– Я... – Агеев с ужасом посмотрел на сигарету, – я докурю.

– Козел, выброси ты этот бычок сраный куда хочешь.

– А что?

– Ты так и собираешься в форме ехать? Тут же скоро посты ГАИ.

– Понял – понял, – пробормотал Агеев и вылез под дождь.

– Стань перед машиной, чтобы я видел, – скомандовал водитель.

Агеев послушно встал перед капотом машины, в свет фар. Оглянулся вокруг – лес. Кажется лес. Свет фар вырвал из мокрой темноты черные сучья и скользко отсвечивающие стволы.

Под ноги Агеева упала большая полиэтиленовая сумка.

– Все свое добро сними и сложи в сумку.

Агеев расстегнул плащ, с трудом стащил его и, скомкав,

сунул в сумку. Потом отодрал крючки шинели и отправил промокшее сукно вслед за плащом. И уже расстегивая хебешку, спохватился и вытащил из кармана шинели пистолет и обойму.

– Куда это?

– Давай сюда, – водитель протянул руку не вылезая из машины.

– Тут вот документы у меня...

– Оставь в карманах и раздевайся быстрее, мне некогда.

Агеев стащил сапоги. У него, как и полагалось на втором году службы, вместо портянок были носки. Агеев с сомнением посмотрел на заляпанные грязью сапоги.

– В сумку, в сумку... – поторопил водитель, – и белье тоже снимай, все, вместе с кальсонами и носками.

Агеев выполнил команду и теперь стоял в свете фар совершенно голый. Как под душем. Под пронизывающим ледяным душем. Тело покрылось пупырышками, его колотила дрожь.

– Сумку тоже засунь в багажник.

– Хорошо, – холодная жижа податливо расплескивалась под босыми ногами, какая-то ветка сломалась под ногой и Агеев чуть не вскрикнул от боли.

На этот раз багажник удалось захлопнуть только с третьей попытки.

Агеев подошел к водителю.

– Холодно? – осведомился тот.

– Ага... х-холодно.

– Терпи.

– А?..

– Постоишь тут немного, за тобой приедут.

– Одежда...

– Потерпишь. Это быстро.

Агеев не сразу поверил. Это просто не укладывалось в мозг. Он тупо посмотрел вслед уезжавшим жигулям и только после этого снова почувствовал, как дождь безжалостно стегает обнаженное тело, а ноги начинает сводить судорога.

– Нет, нет! – кричал Агеев, – нет!

Он и сам не понимал, отчего кричит, кому возражает. Себе, жизни, темноте, сдавившей его ледяными щупальцами.

Он сразу потерял ориентацию, он даже не мог себе представить, как далеко от караулки завезла его машина. И куда идти. И зачем идти. И...

Фары полыхнули в упор. Агеев закрыл глаза руками.

– В машину, – голос, раздавшийся из темноты, был знаком Агееву, это тот самый мужик, пообещавший спасти его.

Агеев бросился к машине, не обращая внимание на грязь и сучки под ногами.

– Спасибо, спасибо, – Агеев с трудом нашарил замок на дверце, попытался открыть.

– Садись на заднее сидение, там полотенце и одежда. Вытирайся и оденься.

– Хорошо.

– А вот это – посмотрим, насколько хорошо.

Палач

Палач слушал, как солдатик возился на заднем сидении машины, натягивая сухую одежду. Вот несколько раз шмыгнул носом. Немного простудился, бедняга.

Палача передернуло от одной мысли, что меньше чем в полуметре за его спиной копошится такая дрянь. Рассматривая в свете фар голое скорченное тело, Палач с трудом подавил в себе желание убить мерзавца.

Если он здесь, значит семь человек мертвы. Девятнадцатилетний мальчик убил только что семь человек и спокойно возится с одеждой. И плевать, что сделал он это по приказу Палача. Как и сам Палач убивал по приказу.

Это совершенно разные вещи. Палач убивал потому, что был оружием, потому что считал необходимым очищать мир от смрадной плесени под названием люди. А этот щенок убивал только ради того, чтобы выжить, чтобы сохранить свою ничтожную жизнь, чтобы уйти от ответственности за свои преступления.

Где-то в глубине сознания Палача мелькнула мысль, что это не логично, что в его рассуждениях есть какой-то изъян. Мелкий, почти незаметный, но придающий странный оттенок всему происходящему.

Действительно, почему, если он сам приказал убить этих людей, такая ненависть подкатывает к горлу. Палач вспом-

нил их разговор.

Вначале Палач просто хотел, чтобы на Агееве была кровь. Не та кровь, которая оказалась на нем после приключений в увольнительных, а нечто совсем другое. Убийство не под действием минутного настроения или стечения обстоятельств.

Холодное, рассчитанное убийство.

– Ты убьешь часового и уйдешь, – Палач хорошо помнил свои слова и его, – сколько у тебя будет времени?

– Не больше двадцати минут. Если не позвоню в караулку – начкар позвонит на пост. Если не отвечу – пошлет разводящего и свяжется с комендатурой. Двадцать минут, – всего пол часа назад мальчишка чуть ли не бился в истерике, а теперь говорил спокойно и обдуманно.

– Что ты предлагаешь? – спросил тогда Палач и солдат промолчал. Сам с собой играет в прятки, подумал Палач. Он уже все решил, только хочет чтобы ему приказали убрать всех.

– Ты сможешь убить всех?

– Мне не помогут?

– Ты сможешь один убить всех? – уточнил свой вопрос Палач.

– Ну...

– Тебе придется это сделать, мне нужны будут автоматы, – Палачу тогда пришла в голову интересная мысль, вернее, только намек на нее, но потом, обдумав ее, Палач понял, что

интуитивно нашел правильный вариант.

Это можно будет потом использовать. Когда настанет время. Те, кто отдает приказание, вначале будут шокированы, а потом ... Потом им на некоторое время это даже понравится. На некоторое время.

Палач сбавил скорость и оглянулся назад. Что-то солдат совсем притих.

– Все в порядке?

– Да, спасибо, все подошло.

Расслабился, быстро забывает обо всем, очень быстро приспособливается. Наплевать на то, что произошло. Главное – чувствовать себя комфортно.

– В карауле все получилось?

– Да.

Какой лаконичный, как ему хочется просто отделаться одним коротким словом. Палач поморщился:

– Коротко расскажи, что и как.

Вначале Агеев говорил сбивчиво, потом разговорился, и речь его стала уверенной. С подробностями излагает.

Каков экземпляр! Просто можно выставлять в музее – типичный представитель рода людского.

Нет, ну как быстро приходит в себя! Это могло бы даже удивить Палача, если бы он не просчитал всего заранее. У подонка все написано на лице. Весь мир для него делится на две части: он и все остальное.

Он великолепно сможет исполнить свою роль. Над ним

нужно будет поработать. Палач посмотрел в зеркало заднего вида. Мальчик даже пытался жестикулировать.

Все получается так, что лучше и не придумаешь. Он, оружие, сделает своим орудием людей, причем не своими руками, а руками опять таки людей.

Начнет Наташка. И не так чтобы только руками.

Глава 2

Разговоры

– Получили сообщение – все прошло благополучно.

– Как и следовало ожидать.

– Как и следовало, но...

– Но?

– Хотелось бы знать, зачем.

– Потому что так решил Палач.

– Это как раз понятно, хотелось бы понять, каким боком все произошедшее относится к выполнению основного задания. Не слишком ли много брызг?

– Вы пытаетесь понять, как этот солдат может помочь Палачу в выполнении основного задания?

– И это тоже.

– Могу предложить вам универсальное средство решения этой загадки. Или сами угадаете?

– Завидую вашему хорошему настроению в столь позднее время. У меня в голову отчего-то ничего правдоподобного не лезет.

– Самый простой и эффективный способ все понять – подождать дальнейшего развития событий.

– Вы не боитесь, что будет поздно?

– Что за пессимизм в столь позднее время? Палача можно обвинить в чем угодно, кроме неэффективности. Если он решил действовать так, а не иначе – это его право. Во всяком случае, это было заложено в операции изначально.

– Но я бы был куда как спокойней, если бы можно было подключить группу аналитиков.

– Каким образом?

– Самым непосредственным. Только не надо махать на меня руками, я сам великолепно помню, что решено ограничить круг информированных.

– Вот именно. Поэтому нам остается только ждать.

– И надеяться.

– Не совсем все-таки вас понимаю. Сегодня мы получили завершение первого этапа операции. Палач закончил, судя по всему, комплектование группы. И отбирал, между прочим, из наших вариантов. Почему такое волнение? Что вас беспокоит? Только конкретно.

– Наблюдатель.

– А я все время ждал, когда вы к этому перейдете. Естественно, было бы лучше иметь сейчас на этом месте более опытного человека.

– А мы сейчас не имеем никакого.

– Это слишком сильно сказано. В конце концов, мы сами его отобрали для этого, для этого готовили. И, кстати, из той мясорубки выбрался именно он, а не наш многоопытный...

– Я все это знаю, сам могу сейчас прочитать лекцию на

эту тему.

– Благо, большой опыт имеете.

– Имею. И, между прочим, кандидатуру Гаврилина предложил именно я.

– Между прочим.

– Да, между прочим. Почему мы держим в таком случае наблюдателя в таком странном положении? Со дня на день он и сам задаст нам этот вопрос. А если не задаст...

– А если не задаст?

– Тогда гнать его к чертовой матери!

– Куда?

– Туда, куда вы подумали.

– Кому прикажем это сделать? Палач выполняет задание.

– До этого еще не дошло, но...

– Не нужно меня уговаривать. С завтрашнего... с сегодняшнего дня наблюдатель потихоньку начнет выполнять функции наблюдателя.

– Уровень информации?

– Это уж вы сами решите. Я думаю – можно по максимуму.

– По максимуму?

– Принимая во внимание специфику операции...

– Понятно. Если не возражаете, уровень его информированности будем определять по мере необходимости.

– Все что угодно! Уже слишком поздно, или еще слишком рано для длительных разговоров.

– К вопросу о наблюдателе...

– К вопросу о наблюдателе, рекомендую вам брать с него пример. Он, насколько я знаю, смену уже сдал.

– Двадцать минут назад. Сейчас спит сном праведника.

– Да, преимущество возраста и небольшого стажа работы.

Сон праведника для других. Нам – бессонницу грешников.

– Так вот...

– Спать. Во всяком случае, я попытаюсь. Спокойной ночи.

Суета

Абсолютная тишина. Не давящее на уши безмолвие, а прозрачное отсутствие звуков. Медленно и плавно падали откуда-то из темноты капли, поднимая бесшумные брызги в лужах, беззвучно качались ветки деревьев. Даже удары сердца были не слышны.

Он шел, и воздух медленно расступался перед ним, размазывая по лицу капли дождя. Он чувствовал, как ноги загребают жидкую грязь, но не слышал ни звука.

Из темноты навстречу вынырнул силуэт, вернее не вынырнул, а медленно выплыл, или даже нет, просто темнота вдруг уплотнилась, и перед ним возникла фигура, абсолютно черное пятно. Движения этой фигуры были также тягучи и бесшумны, словно ночь выдавливала из себя комок страха, и этот комок приближался к нему, медленно, но неотвратимо.

Остановиться, мелькнуло... нет, не мелькнуло, а медленно просочилось сквозь схваченный страхом мозг. Медленно и тягуче – остановиться – а ноги продолжают двигаться – остановиться – сгусток ночи все ближе – остановиться – рот залепляет клейкая масса ночного воздуха – остановиться...

Поздно, он понимает, что поздно, понимает, что слабый отсвет на фоне приближающегося силуэта – сталь. И понимает, что эта сталь направлена ему в горло, что остановить ее не может уже ничто... А ноги продолжают бесшумно нести

его вперед, сталь начинает светиться призрачным молочным светом, а потом, приближаясь, меняет свой цвет, от лунного, через темно-вишневый к ослепительно-белому цвету раскаленного металла...

Огонь касается его горла, не боль, а ожог впивается в его тело... а оно продолжает двигаться на встречу этому огню, потом застывает и начинает медленно оседать, а огонь ввинчивается, вонзается в тело, проникает в мозг, наконец, появляется боль, становится все нестерпимей, он захлебывается этой болью, смешанной с его не вырвавшимся криком...

– Приехали.

Спокойный голос разом вырвал Агеева из кошмара, но боль еще несколько ударов сердца оставалась в нем. Агеев со всхлипом вздохнул, прижав к горлу дрожащие руки.

– Вылезай из машины.

– Что?

– Вылезай из машины, – голос водителя был спокоен, но сердце Агеева оборвалось.

Что случилось? Почему его выгоняют? Агеев никак не мог прийти в себя, не понимал где находится и что должен делать. Что от него требуют? Он затравлено огляделся и увидел, что в нескольких метрах от машины за металлическим сетчатым забором маячит дом.

– Постучишь в дверь. Откроет девушка. Будешь делать все, что она скажет. – Водитель говорил неторопливо, не поворачивая головы. – Я приеду к вечеру.

– Д-да, – Агеев зачем-то кивнул в спину водителю. – Я понял.

– Ну?

– Ч-что?

– Вылезай из машины.

Агеев испугался, что вот сейчас водитель, обозленный его непонятливостью, просто вышвырнет его из машины, или еще хуже, отвезет его назад, к складам. Горло снова обожгло, как во сне.

Дождь прекратился. Агеев вылез из машины, захлопнул за собой дверцу и вздрогнул от влажного прикосновения холода. Машина отъехала сразу же, и звук ее мотора просто исчез в ледяном тумане.

Агеев оцепенел. Тишина из кошмара настигла его, впаяла в прозрачную глыбу безмолвия, и Агеев стоял, боясь сдвинуться с места, боялся, что шаги его тоже будут беззвучными, что из темноты навстречу ему...

Агеев медленно оглянулся. Темно. Пусто и беззвучно. Подойти и постучать в дверь. Агеев шагнул к дому и почти с наслаждением услышал недовольный всплеск под ногами. Еще шаг, еще... После каждого шага тишина торопливо возвращалась, но он уже знал, как с ней бороться.

Агеев толкнул калитку, и скрип металла располосовал ночное безмолвие. Дорожка к крыльцу была усыпана гравием и хрустела под ногами Агеева. Он поднялся по ступенькам, остановился перед дверью и спиной почувствовал, как

темнота сзади сжалась перед броском, чтобы остановить его, вернуть в безмолвие.

Агеев ударил в дверь кулаком. Звук получился глухим. Он ударил снова, но звук замер еще быстрее предыдущего. Так его никто не услышит, он не сможет победить эту тишину, не сможет... не сможет... Агеев забарабанил в дверь кулаками, ударил ногой.

Не оглядываясь назад, он знал, что сзади к нему приближается черный силуэт, что молочно-белый клинок высматривает на его теле место для удара, что...

Дверь внезапно открылась, в лицо Агееву ударил свет. Он зажмурился, поднял руку к глазам. Потом медленно открыл глаза и шагнул вперед. Он не стал рассматривать, кто стоит в дверях, ему нужно было уйти от темноты, смыть с себя светом затхлый запах безмолвия.

За спиной у него хлопнула дверь, щелкнул ключ в замке, потом сухо стукнул засов. Агеев стоял в прихожей, опустив руки и наслаждаясь светом. Из глубины дома доносилась музыка, и это тоже было хорошо. Агеев почувствовал, как голова легко закружилась, по телу, отгоняя зябкую стылость, потек жар.

– Стоять будешь или в комнату пройдешь? – вопрос прозвучал неожиданно, но Агеев не вздрогнул, ему было хорошо, он был готов стоять вот так бесконечно долго...

– Раздевайся и проходи, – женский голос за спиной стал жестче, и повелительные нотки толкнули Агеева.

Он торопливо стащил с ног кроссовки, аккуратно поставил их под вешалку и только после этого оглянулся.

Первое, что он увидел, были глаза. Темно-карие глаза смотрели на него иронично и чуть насмешливо.

– Добрый вечер, – попытался сказать Агеев, но неожиданно закашлялся.

– Наверх по лестнице, вторая дверь налево, через спальню – ванная. Колонку я включила. Прими горячий душ, а то схлопочешь воспаление легких.

– Спасибо, – Агеев повернулся к деревянной лестнице, медленно поднялся по ступенькам, ощущая босыми ногами шершавые доски.

Все было нереальным, слишком неожиданным был переход от промозглой ночи к этому яркому теплему уюту. В дверях ванной Агеев замер. Шум горячей воды, пар. Как в комнате начальника караула. После выстрелов. Перед глазами мелькнуло лицо прапорщика, удивление, страх...

Агеев оглянулся. Нет, так нельзя, нельзя думать об этом, нужно забыть все, взять себя в руки и забыть. Он стащил с себя джинсы, свитер, белье.

Там никого нет, только ванна и горячая вода, бьющая из душа. Он смывает с себя и холод, и страх, и воспоминания. Агеев осторожно стал в ванну, задвинул за собой клеенчатую шторку и подставил под воду ладони.

Упругие струи полетели брызгами в лицо, и Агеева чуть не стошнило. Очередь из автомата, и в лицо бьют капли теп-

лой жидкости. Он нажал на спуск, и крик Зимина оборвался.

Агеев почувствовал, как ногти врезались в ладони. Спокойно, все уже позади, он должен был это сделать. Должен был. Иначе бы он сам погиб. Иначе его не спасли бы, не привезли в этот дом.

Тело скорчилось в ванной, вода била по спине, голове и плечам. Он дышал тяжело, со всхлипами и не понимал, плачет или нет. Ему было жалко. Не тех, кого он убил, мысль о них вызывала только слабость и тошноту, ему было жалко себя, жалко до судорог, до спазм во всем теле.

Когда Агеев почувствовал прикосновение, все тело его вздрогнуло, он чуть не закричал, но прикосновение было мягким, скользящим, и тело расслаблялось под этим прикосновением.

Спиной он почувствовал прикосновение женского тела, он увидел, как руки с ярко-красным маникюром на тонких пальцах скользнули по его груди, почувствовал их прикосновение к животу, бедрам.

Агеев повернулся, и взгляд его встретился с темно-кариыми глазами. Теперь они не были ироничными, как несколько минут назад. Расширенные зрачки смотрели на него в упор, веки чуть подрагивали. Агеев попытался отвести свои глаза, но не мог, словно парализованный. Он не видел лица, только эти завораживающие глаза.

Под ее прикосновениями низ живота Агеева наливался тяжестью, и все, что происходило с ним этой ночью, начало

отходить на задний план, существовали только ее руки и ее глаза.

Глаза приблизились, и он зажмурился, почувствовал прикосновение ее губ к шее, к груди, ее руки скользнули по его ногам.

Агеев вздрогнул, сладкая волна метнулась по телу к голове, ударила и медленно поползла книзу. Агеев вскрикнул, его руки сжали ее плечи. Это все произошло слишком быстро, он хотел еще, попытался притянуть ее тело к себе...

Резкий удар в пах согнул его вдвое, дно ванны предательски скользнуло у него из-под ног, и он бы упал, если бы не ее руки. Агеев опустился на колени, захрипел.

– Кончил? – спокойно спросил женский голос, – Нужно знать меру. Когда яйца отойдут – помоешься и спускайся вниз, кушать. Слышишь меня?

Агеев кивнул.

– Вот и хорошо. А будешь себя хорошо вести – мы продолжим наше знакомство. Только чур, я сверху.

Наблюдатель

Если нельзя – то очень хочется. Страшно хочется. Безумно. И наоборот, мрачно подумал Гаврилин, не открывая глаз. Если очень чего-нибудь хочется, то этого, естественно нельзя. Гаврилину очень хотелось спать. Чтобы понять, сколько именно ему удалось поспать, нужно было поднять неподъемные веки, а если судить по ощущениям – минут пятнадцать, не больше.

А диванчик казенный, между прочим, так себе. С ярко выраженными пружинами и запашком. Сколько поколений наблюдателей на этом диванчике пытались перехватить немного сна, но их будил на редкость мерзкий зуммер?

Точно, зуммер. Гаврилин разом сел все и попытался открыть глаза. Его разбудил зуммер. На пульте, который он обесточил, согласно инструкции, перед тем как лечь спать. Спать, спать, спать – слово просто замечательное. Если бы не зуммер...

Твою мать, Гаврилин с трудом открыл глаза и подошел к пульту. Ну да, ну да, все огоньки светятся и мигают. Особенно огонек возле телефонной трубки.

– Да! – сказал Гаврилин в трубку и сам восхитился, насколько сонно прозвучал его голос.

– Я вас разбудил, кажется.

– Да, – сказал Гаврилин.

– Это Артем Олегович, – наконец представился голос в трубке.

– Здравствуйте, Артем Олегович, – прийти в состояние субординации Гаврилин смог не сразу, но даже сквозь дремлющий мозг продралась мысль о необходимости сменить тон. Начальство есть начальство даже... Чтоб тебе пусто было, даже в шесть часов утра. Ему удалось проспять не пятнадцать минут, а целый час.

– Вы не могли бы приехать ко мне.

– Прямо сейчас? – Гаврилин сказал и тут же понадеялся, что хамство в голосе было не слишком слышно.

– Нет, что вы. Вечером, около семнадцати, ко мне в кабинет.

Вечером! К семнадцати! Отец родной! Люблю. Это целых десять, нет, одиннадцать часов на личную жизнь.

– Понял, буду в семнадцать ноль-ноль. – А теперь спать и...

– Нам нужно будут поговорить о вашем подопечном.

– Хорошо.

– И поезжайте сейчас домой. – Гаврилин покосился на диван и промолчал.

– Поезжайте, поезжайте, такси уже должно было подъехать к вам. Спокойной ночи.

И пульт выключился. Вот такие пироги. Гаврилин покрутил в руках телефонную трубку, положил ее на место. Пол у них холодный. Гаврилин потратил несколько секунд на то,

чтобы осознать, что стоит он на полу босыми ногами. Слишком много информации с утра пораньше. Гаврилин потер лицо. Потряс головой.

Вот что сейчас самое главное? Такси. Гаврилин поискал глазами вешалку со своей курткой и даже было шагнул к ней. Стоп. Порядочные люди сначала обуваются.

Гаврилин сел на диван, сунул ноги в ботинки и медленно завязал шнурки. Голова никакая и во рту мерзкий привкус. Домой. И шляффен, как говорят друзья-немцы. Можно еще немного шнапс дринкен, перед тем как шляффен.

Да что ж такое, чего это он так раскис. Бегом надо, бегом. Гаврилин надел куртку, кожаную кепку, открыл дверь (два замка и засов, согласно инструкции), щелкнул выключателем и вышел в коридор.

– Доброе утро, – сказал сидевший в кресле возле самой входной двери дежурный.

– Доброе, – ответил Гаврилин. Вот дежурный – молодец. Бодрый, словно не просидел здесь всю ночь. – Там машина за мной не приехала?

– Только что, – ответил дежурный, глянув на монитор, – такси.

– Тогда я пошел.

Дежурный нажал кнопку на столе, замок на двери щелкнул. Гаврилин толкнул ее и вышел на лестничную клетку. Дверь у него за спиной сразу же закрылась. Вот что может быть хуже, чем ходить полусонному, подумал Гаврилин,

спускаясь по лестнице со второго этажа. Дверь на выходе из подъезда открылась автоматически, Гаврилин помахал рукой в сторону видеокамеры слежения и вышел на улице.

Подойдя к заляпанной грязью «волге», Гаврилин понял, что может быть хуже прогулок в полусонном состоянии. Только прогулки в полусонном состоянии по такой погоде.

Сырой холод мгновенно пробрал Гаврилина насквозь. Водяная пыль висела в воздухе, неприятно оседая на лице и руках. Гаврилин поднял голову. Неба, как обычно, не видно. Угрюмый Гаврилин, на угрюмой улице, под угрюмым небом. Гаврилин открыл дверцу такси и заглянул вовнутрь. И с угрюмым таксистом.

Переговоры прошли в деловой обстановке, констатировал мысленно Гаврилин, когда машина тронулась. Таксист молчал, слава Богу, это, наверное, из-за того, что Гаврилин сел на заднее сидение. Или настроение у таксиста плохое. Да какая, к черту, разница?

Просто Саша Гаврилин всячески пытается отвлечься от мыслей о прошедшем телефонном разговоре и грядущей личной встрече.

Напророчил. Сам ведь сидел и думал о том, что начальство, наконец, может начать задавать вопросы. Только вот о чем? Разговорчик, между прочим, может получиться веселенький. Но, может, оно и к лучшему. Во всяком случае, можно будет избежать неопределенности.

С таксистом пришлось расплатиться. Гаврилин восхитил-

ся своим начальством. Мог бы прислать и свою машину, уважаемый Артем Олегович, а не разорять подчиненных. Вот взять и потребовать возмещения расходов. Эта мысль немного развеселила Гаврилина.

Лампочка в лифте еле светилась. И в этом тоже есть свои плюсы, подумал Гаврилин, не заметно грязи и мусора под ногами. Если бы еще и запах удалось не замечать!

Гаврилин вышел из лифта, достал из кармана куртки ключи. Перспектива разговора с начальством его несколько волновала. Спать все равно хотелось, но чистота желания куда-то ушла.

В семнадцать ноль-ноль. Гаврилин вошел в квартиру, закрыл за собой дверь, включил свет в коридоре. В семнадцать ноль-ноль. Разделся и прошел на кухню. Открыл холодильник и задумчиво посмотрел в него. Есть или не есть? Вот в чем вопрос. Или не есть, решительно сказал себе Гаврилин и захлопнул холодильник.

В семнадцать ноль-ноль в кабинете. Гаврилин покрутил кран. Горячей воды нет. От одной мысли о холодной, Гаврилина передернуло. Но руки мыть все равно придется.

Нельзя давать себе расслабляться. Подбодренный этой мыслью Гаврилин умылся, расстелил диван, задернул шторы на окне. Солнца один хрен не будет, но обряд должен быть соблюден.

А возле пульта было теплей, мелькнула мысль, когда Гаврилин лег в холодную постель. Спать. Все хорошо, спать.

Хрен тебе, Сашенька, а не спать. Теперь твоему организму захотелось подумать и поразмышлять. Это он сразу не оценил, спросонья. Это ведь ему сам Артем Олегович звонил. Не секретарша его, не координатор, в конце концов, а лично.

И судя по всему, сам великий и недосягаемый ночь не спал из солидарности с Гаврилиным. И лично побеспокоился о его отдыхе. С чего бы такая любовь?

Гаврилин вспомнил, что не установил на будильнике время. Проклиная все, от погоды и холодных батарей, до начальства и себя, Гаврилин вылез и почти нагретый постели и взял с книжной полки будильник.

В семнадцать ноль-ноль в кабинете, час на дорогу, час на поесть и привести себя в порядок – подъем у него сегодня в пятнадцать. Сейчас почти семь. Итого – восемь часов здорового полноценного сна.

Только не надо вот этого самокопания и предположений. Спать.

Гаврилин лег, повернулся на бок и неожиданно для себя уснул.

Палач

Палач ждал, и это ощущение было ему неприятно. Или непривычно. Ждать он умел, но ожидание всегда было для него подготовкой к действию, когда нужно было из состояния покоя стремительно вдруг разом выплеснуть накопленную энергию, встать на самый край.

А сейчас нужно было просто ждать. А потом просто наблюдать за тем, как люди будут исполнять роль его оружия. Странное, противоестественное состояние. Он будет использовать ненадежных, слабых людей в качестве орудия своей воли. И он даже представить себе не может, как они поведут себя.

Это тоже было непривычно. Прежняя его группа... Палач старался не вспоминать о группе. Он чувствовал свою вину в том, что произошло с Дашей и Володей, в глубине души он был уверен, что нужно было тогда бросить все и идти с Володей, может быть сейчас с ним были бы они, а не эти людишки.

С Дашей и Володей они были одним целым, в них он был уверен и перед началом операции никогда не испытывал этого щемящего чувства неуверенности. Их тройка была неуязвима, пока он не сделал своего выбора между приказом и эмоциями.

Он и не мог сделать другого выбора. Оружие вообще не

имеет эмоций, не должно их иметь. Он смог остаться безжалостным тогда, поэтому он может не испытывать жалости сейчас. И вообще никогда.

Из всех эмоций ему теперь доступно только неприятное чувство неуверенности. Палач вспомнил подпрыгивающую фигуру Беса и его срывающийся голос: « Там они, еще там, бя буду!». И трясущиеся руки, которые Бес не знал куда деть.

Жук был спокойней, его выдавали только желваки, играющие на лице. Может быть, он просто уже не мог волноваться после бессонной ночи. Может быть. Неуверенность. Опять неуверенность.

Палач мог спокойно обойтись без них мог сделать все самостоятельно, но будет только наблюдать. Все должно пройти как нужно. Даже если не получится.

Он спланировал все так, что даже неудача может принести пользу. Сейчас все упирается только во время.

Мокрая улица пока пустынна, но это будет продолжаться еще с полчаса. Палач знал это наверняка, неоднократно проверял. Улица оживает к восьми утра. Без десяти восемь появятся две бабы из овощного магазина, откроют дверь и поднимут ставню с витрины. Ровно к восьми появится парень из киоска на углу.

А выручку из ночного клуба выносят в половину восьмого. Палач посмотрел на часы. Обычно выносят в половину восьмого. Сегодня они опаздывают на пять минут. Пока на

пять минут. Что-то там у них случилось.

Вон даже водитель серого фольксвагена волнуется, поглядывает на часы. Его можно понять, он приехал вовремя, ровно в пятнадцать минут восьмого, как обычно, а невзрачная дверь черного хода ночного клуба все никак не открывается.

Только бы Бес не запсиховал. В другое время Палач никогда бы не связался с таким ничтожеством. У Беса истерика – единственная реакция на жизнь. Кроме насилия. Насилие и истерика. Очень по-человечески. Палач посмотрел на подворотню, напротив двери клуба. Если сорвется Бес – все придется отменять.

Машины Жука не видно, она за поворотом. Нечего раздражать охрану незнакомыми машинами. Жуку хорошо видно арку подворотни и он начнет действовать, как только двинется Бес. Если Бес двинется.

Палач посмотрел на свои руки, сжавшие руль. Спокойно. Все будет сделано как нужно. Он хорошо все продумал. На людей нельзя положиться, но можно положиться на их недостатки и пороки. Бес знает, сколько получит в результате. Жук... Жук получит возможность развлечься, и он никогда не позволит, чтобы такая гнида как Бес был круче его.

Палач снова посмотрел на арку и заметил там движение. Перевел взгляд на дверь клуба. Началось.

Суета.

В последний момент счетная машинка скисла, и деньги пришлось досчитывать вручную. Управляющий нервничал,

а Ногину было на это насрать. Как и обоим его охранникам.

Если деньги попадут на место не вовремя – вздрючат управляющего, а ни как не Ногина. Вот если что-то случится по дороге, тогда... Но это если случится. А шансов на это очень мало.

В городе установилось спокойствие и равновесие. Да и в более крутые времена люди трижды бы подумали, прежде чем переходить дорогу Хозяину. Так что работа у Ногина не пыльная. И прибыльная.

Ногин демонстративно посмотрел на часы, потом на управляющего клубом. Бойтся гнида. Торопит кассира. Вот будет смеху, если кассир ошибется. Хозяин такого не любит даже больше чем опозданий.

Кажется все. Закончили бабки пересчитывать. Ногин взял дипломат из рук управляющего, охранники, не торопясь, поднялись из кресел.

– Вы там постарайтесь наверстать, – дрожащим голосом попросил управляющий.

– С бабками гнать не буду, – спокойно ответил Ногин и посмотрел в глаза управляющему, – себе дороже.

– Пожалуйста!

– Посмотрим, как на дорогах будет.

Пусть подергается, сука, а вечерком мы к нему подведем, за благодарностью. Ногин улыбнулся. Хорошо день начинается. Совершенно понятно, что успеют они вовремя, с запасом всегда приезжают, но знать этого уроду не нужно. Иметь

такого в должниках – одно удовольствие.

Ногин подождал, пока откроют дверь, и первым вышел на улицу. Вообще-то это было неправильно, и Ногин это знал. По-хорошему первым должен был выйти один из охранников, осмотреться и вызвать Ногина со вторым охранником. И водитель не должен был сидеть в машине, а выйти наружу и наблюдать за улицей, а не пялиться на идущего Ногина.

Хорошее настроение Ногина не испортила даже погода. Серо, туманно, сыро. Ногин сделал два шага и остановился. И все равно хорошо. Вечером он вернется в клуб, и управляющий отработает хорошее к нему отношение. Водитель завел мотор. Ногин обернулся к охраннику:

– Дай закурить.

Охранник, не торопясь, сунул руку в карман, достал пачку сигарет, зажигалку. Второй охранник подождал, пока Ногин возьмет сигарету, и тоже потянулся к пачке.

Ногин затянулся. Хорошо. Механически посмотрел по сторонам. Пусто и мокро. Из арки напротив кто-то появился, Ногин было напрягся, а потом успокоился.

Солдат. Не крутой орел в камуфляже, а самый затрапезный солдатик срочной службы в шинели и сапогах. Мокрая шапка, нахлобученная на самый лоб, венчала фигуру защитника родины.

Салабон, подумал Ногин, первогодок. Вырвался на свободу.

Солдат оглянулся направо, и Ногин автоматически про-

следил его взгляд. Машина. Метрах в пятидесяти по улице стоят жигули. Кто-то за рулем. Солдат взглянул налево. Что это он так головой крутит?

Сигарета разом потеряла всякий вкус, когда Ногин вдруг заметил, что на плече у солдата висит стволом вниз автомат. Вернее, висел. Сейчас солдат уже держал его в руках, и дуло неуклонно двигалось в его, Ногина, сторону.

Сигарета выпала из руки. Ногин шагнул в сторону, натолкнулся на охранника. Другой охранник, наконец, тоже заметил солдата, и рука его метнулась под куртку, за пистолетом.

Не успеет, подумал Ногин, и солдат начал стрелять.

Кровь

Бес почти с радостью увидел, как открылась дверь на противоположной стороне улицы. Его совсем уже задрало и это ожидание, и мокрая вонючая форма, которую зачем-то напялил на него Жук.

Поправив на плече ремень автомата, Бес неторопливо, как велел Крутой, двинулся к фольксвагену. Машина Крутого на месте. Жук даже мотор успел завести и тронул свою машину с места.

Клевый прикид у мужиков, подумал Бес. Была у него склонность к хорошей одежде, и разбирался он в ней хорошо. Стрелял плохо.

Первые пули пошли слишком низко, автомат трясло в руках Беса, выстрелами ствол рвануло вверх, и пули, наконец, нашли цель.

Трое стояли близко друг от друга, две или три пули ударили по коленям того, что стоял слева, очередь пошла дальше по диагонали вправо вверх, через живот того, что держал дипломат, к груди третьего.

Полетели осколки оконных стекол, когда очередь развернула Беса в сторону. Бес почти потерял равновесие, закачался, взмахнул руками, чтобы устоять на ногах, и с ужасом понял, что не сможет удержать автомат.

Бежать, мелькнула первая мысль. Бросить все на хер и бе-

жать. Бес мельком глянул вверх по улице и увидел машину Крутого. Нельзя. Этот не пропустит.

За спиной ударили выстрелы, Бес завизжал и метнулся к автомату, вцепился в оружие и перекатился на спину. Мужик с дипломатом полз к двери клуба, оставляя за собой ярко-красный след. Потом что-то продырявило в нескольких местах пальто на его спине, появилась кровь, и мужик замер.

Бес, наконец, сообразил, что это Жук подписался за него. – Вставай, урод, – крикнул Жук, не вылезая из машины, – убью.

Бес вскочил и бросился бегом к дипломату. Чемоданчик отлетел немного в сторону, ручеек крови не дотянулся до него. Бес ухватился за ручку.

Получилось. Неожиданно гулко ударил одиночный выстрел, полу шинели что-то дернуло. Бес оглянулся и с ужасом увидел, что один из охранников еще был жив. С перебитыми ногами он упал почти к самому фольксвагену и Жук, добивая остальных, его не заметил.

Охранник лежал на правом боку, стрелять ему было неудобно, и первую пулю он послал мимо.

Не соображая, что делает, Бес бросил дипломат. Раненый закричал – дипломат попал по раздробленным коленам. Бес прыгнул вперед и ногой ударил лежащего в лицо. Тяжелый сапог с хрустом впечатался в плоть.

От удара лопнули тонкие кости носа, осколки вошли в мозг, и тело охранника забилося в судорогах. Бесу показав-

лось, что охранник пытается сопротивляться, и ударил снова, на этот раз в висок. Кость с влажным треском просела.

– Да хватит тебе, – заорал Жук, – бери бабки и в машину.

– Я сейчас, сейчас, – крикнул Бес.

Жук заметил, как дверь клуба приоткрывается, и выстрелил по ней из своего автомата.

– Быстрее!

Бес поднял чемоданчик. Ручка была липкой и теплой. Держа автомат в левой руке, а дипломат в правой, Бес оббежал фольксваген. Его водитель с залитым кровью лицом, так и не успевший ничего предпринять, сидел, откинувшись на спинку сидения. Осколки лобового стекла усыпали все в машине.

Бес вскочил на заднее сидение жигулей и захлопнул дверцу. Его, наконец, начало трясти. Мотор взревел.

– Выберемся – хлебало разворочу, – не оборачиваясь, прорычал Жук, – на ногах, мудила, не стоишь.

Бес неожиданно засмеялся. Выкрутился. Твою мать, выкрутился. Бес попытался замолчать, но это было выше его сил. Он захлебывался истерическим хохотом, пока машина петляла по закоулкам. В проходном дворе Жук резко затормозил, выскочил из машины и, рванув дверцу возле Беса, наотмашь врезал по искаженному лицу.

Смех оборвался. Жук за шиворот вытащил Беса из машины, втолкнул в машину Палача, которая как раз притормозила рядом, бросил следом оба автомата и дипломат и сел

рядом с Палачом.

– Шинель, – спокойно сказал Палач.

– Чтоб тебя, – взвыл Жук.

– Я сейчас, сейчас, – засуетился Бес, стащил шинель и, открыв дверцу, выбросил шинель и шапку наружу.

Уже после того, как машина выехала на оживленный проспект, Бес ткнул Жука в плечо и сказал недовольным тоном:

– Губу разбил, козел.

Наблюдатель

... и об стену разбилось что-то стеклянное. Гаврилин застонал. Окончательно проснувшись, он осознал, что уже довольно долго сквозь сон слышал шум семейного скандала.

Не то чтобы мне хочется влазить в семейные дела соседей, подумал Гаврилин, но просыпаться дважды за последние... Сколько на этот раз выделили ему на подремать?

За стеной закричала соседка. Терпение ее уже лопнуло, она убьет этого ублюдка, а потом покончит с собой, а потом всем расскажет, как это было, и как ее сын поступает с родной матерью, и как он после этого будет людям в глаза смотреть...

И так изо дня в день. Постоянство привычек свидетельствует о постоянстве характера. В данном конкретном случае регулярность скандалов с битьем посуды и криками свидетельствовало о постоянстве характеров великовозрастного сына соседки.

Гаврилин подергал двумя руками волосы на голове. Он же не просит многого. Он просто хочет немного поспать. Вот сейчас пойду, вынесу дверь в соседской квартире, возьму придурка за шкурки, или нет, просто с ходу приложу его по яйцам, или... Гаврилин даже сел на постели. И чуть не открыл глаза.

Как же, как же, стоит только прикоснуться к Дюне и мать,

которая за секунду до этого была готова сама его разорвать, примется выцарапывать глаза обидчику. Гаврилин видел уже дворе подобную сцену.

Пора бы уже привыкнуть к этому. Давно пора. Три месяца как он въехал в свою однокомнатную квартиру. В свою. Гаврилин хмыкнул и снова попытался открыть глаза. Это для окружающих квартира его. За все платит контора. Со своей нынешней зарплатой он на однокомнатный дворец собирал бы денег лет пять, при условии, что господь регулярно подкармливал бы его манной небесной.

– Будь ты проклят! – материнская ласка не имеет преград, голос ревизора трамвайного управления легко проник через бетон стен.

Дюня либо молчит, либо бормочет что-то себе под нос, сквозь стену не слышно. И что может сказать в свое оправдание подсудимый?

Гаврилин отбросил, наконец, одеяло и встал. Не открывая глаз. У него такое состояние называлось «поднять подняли, а разбудить не разбудили». Ногой нашарил тапочки возле дивана, обулся и, шаркая шлепанцами, двинулся в ту сторону, где должна была иметь место дверь.

Где-то здесь должен быть стул, подумал Гаврилин, и стул с грохотом отлетел в сторону. Голеню, прямо костью об деревяшку. Глаза Гаврилина открылись сами собой, взору его предстал опрокинутый стул и одежда, разбросанная по полу.

Гаврилин потер ногу, поднял стул, отряхнул одежду и сно-

ва повесил ее на спинку стула. В комнате его царил полумрак, в равных пропорциях смешанный с бардаком, сказал сам себе Гаврилин. Если верить старой истине, что по комнате можно судить о хозяине, то Гаврилин неряха, лентяй или инвалид первой группы с полной утратой трудоспособности.

Это ж надо довести комнату до такого состояния. Руки хозяину мало поотрывать за такое. Поймаю – убью, пообещал себе Гаврилин.

Кстати, о часах. Гаврилин посмотрел на циферблат и понял, что ощущения ему не соврали. Снова час на сон. Восемь утра на дворе.

А вот интересно, громко спросил себя Гаврилин, воду горячую сегодня дают или нет? Лучше бы дали. Гаврилин остановился в коридоре перед зеркалом, оставшемся от прежнего владельца.

Привет, Саша. Отражение промолчало. И правильно, и нечего здороваться с заспанными мужиками, которые в голом виде слоняются по квартире. И отражение, кстати, тоже выглядело неважнецки. Пора стричься. Уже недели две как пора. И бриться. Уже дня два как пора. И мыться.

Вот сейчас если не будет горячей воды, возьму и выкупаюсь под холодным душем. Под ледяным, с угрозой пообещал Гаврилин зеркалу. Отражение снова проигнорировало его, и Гаврилин повернулся к зеркалу спиной. Вот так и сходят с ума. Съезжают.

Вот так вот просто ходит среди людей, в общем-то, как

нормальный, а пришел домой, закрыл за собой дверь и через пятнадцать минут уже разговаривает со своим отражением. Или просто сам с собой.

Гаврилин щелкнул выключателем и вошел в ванную. Раньше эта плитка была белого цвета. Она и сейчас белого цвета, поправил себя Гаврилин, если ее отмыть.

Так то если отмыть.

Странно, но вода была в обоих кранах. В кране для горячей – вода отчего-то была горячей. Галлюцинация у вас, ба-тенька, галлюцинация. Совершенно с вами согласен и предлагаю принять душ, пока видение не рассеялось.

Неплохо было бы, конечно, налить полную ванну воды, взять чашку кофе и посидеть часик, наслаждаясь теплом. От таких мыслей глаза снова стали слипаться, и Гаврилин, мстительно припомнив недовольное лицо отражения, смыл с себя мыло, и, прежде чем выйти из-под душа, перекрыл горячую воду.

Мать, мать, мать!.. Гаврилин выдержал секунд десять. Не суетиться, не кричать, теперь повернуть до упора вентиль холодного крана. А после этого тщательно обтереть дрожащее тело сухим полотенцем.

Какая только ерунда ни лезет в голову от недосыпа. А ведь думать нужно не об этой ерунде, а о предстоящей беседе с Самим. Думать тщательно, внимательно перебрать в голове всю информацию, тем более что ее не так уж и много.

Думать, думать и думать. Было бы чем. После ледяной во-

ды голова казалось немного чужой, Гаврилин тщательно растерся махровым полотенцем, потом расчесал мокрые волосы перед зеркалом.

Может действительно – не так страшен черт, как его малюют? Ну, дадут ценные указания, предложат новый фронт работ. Рутинка. Что может случиться? С ним вообще ничего не может случиться, а под руководством прозорливого и великого начальства и подавно.

И подавно. Так что волноваться нечего. Абсолютно. Если при этом еще не вспоминать, что всего четыре месяца назад это самое начальство отправляло его на смерть. Собиралось подставить его, если верить... Ладно, о покойниках либо хорошо, либо ничего. Особенно о тех, которые погибли по твоей вине.

Ни хрена. Не по его вине, а вместо него. Просто наступили на ту же мину, которую ставили для Гаврилина. Об этом лучше не думать, но и забывать об этом тоже не стоит.

Тогда, вернувшись с теплого моря, Гаврилин ожидал распросов, проверок, во всяком случае у него должны были хотя бы спросить, что же случилось с прежним наблюдателем группы Палача. Просто поинтересоваться. Или просто рассказать, что он не вернулся, или поведать, что возвращение Палача в родные пенаты произошло вопреки планам непогрешимого начальства.

Ничего это не было. Совершенно рутинно у него приняли рапорт, в котором он старательно обошел неприятные для

себя места. Не нужно начальству знать, что молодой шпион и супермен Гаврилин информирован о том, что его первое задание по мысли этого самого начальства должно было стать и последним.

Он долго не мог прийти в себя после этого. Ему улыбались, заботливо помогли переехать в другой город, приобрели квартиру – те же самые люди, подставлявшие его.

Гаврилин сделал единственно возможное – затаился. Работал и ждал, ждал и работал. И боролся с мыслью, что все это напоминало отсрочку. Он был наблюдателем Палача. Чудом уцелевший наблюдатель чудом выжившего Палача.

Он чувствовал, или знал, или предполагал, или... Должен был настать момент, когда начальство решит списать Палача. Неизбежно. Недаром ведь все было спланировано в июле именно так.

Они связаны – Палач и Наблюдатель. Гаврилин чувствовал, что связаны их судьбы, чувствовал, что если начальство решит избавиться от Палача, то оно одновременно избавится и от него.

Вот так сходят с ума. Не было у него ни малейшего повода ожидать такое от конторы. Ни малейшего, кроме слов, прозвучавших четыре месяца назад в темноте бетонного туннеля. Не было.

Чтобы не рехнуться окончательно, Гаврилин уговорил себя не задумываться об этом. И честно уговор выполнял. До сегодняшнего утра. А теперь как ни хитрил с собой, как ни

пытался заглушить в себе тревогу, подобно желтому мигающему огню светофора на перекрестке, в мозгу его пульсировала одна мысль – началось. Большим огненными литерами – НАЧАЛОСЬ. И ничего нельзя было с этой мыслью поделать.

Оставалось только ждать разговора с начальником.

Кровь

Наташка считала, что люди во сне выглядят особенно возбуждающе. Они не владеют своим телом, и этим телом может кто-нибудь завладеть. А потом...

Потом суп с котом. Или суп со скотом.

А еще Наташка считала, что в жизни нужно делать то, что хочется. Большинство этого не понимают, большинство, прежде чем сделать что-то, будут несколько часов думать, как на это посмотрят окружающие. Как они посмотрят? Что скажут? А вдруг не одобрят?

Уроды. Скопище уродов. Нет, Наташку это в принципе устраивало. Однажды, в самом начале своих приключений, она напоролась на парня, который тоже хотел делать, что ему нравится. А нравилось ему калечить напарниц по траханью, и достиг он в этом деле большого искусства.

Наташка из той истории вынесла шрам на плече и уверенность в том, что все должно идти так, как идет. Люди существуют для того, чтобы жить за их счет.

И получать удовольствие.

Вначале Наташке просто нравилось трахаться с парнями и мужиками. Ее не интересовало ни имя, ни возраст.оргазма достигала она и легко, и многократно, новизна партнера ее не тяготила так же, как и не особенно возбуждала.

Послушав откровения одноклассниц и соседок, Наташка

поняла, что большинство мужиков женщин просто используют, и ей даже понравилась мысль, что она использует мужиков. Какая разница, зачем он это делает, лишь бы было хорошо.

Наташка отправлялась на дискотеки или просто в прогулки по паркам и скверам для того, чтобы снять очередного мудака, а когда однажды к ней подкатила дамочка с пикантным предложением, Наташка поняла, что удовольствие можно получать не только от мужика.

Зарабатывать телом деньги Наташка не хотела. Она хотела делать в постели все, что нравилось ей самой, а не приказы клиента. Попробовав пару раз, Наташка поняла, что большими деньгами здесь не пахнет, как и большими удовольствиями.

И она сделала открытие. Спящие люди очень беспомощны. Они не могут остановить, когда ты чистишь их карманы. Но только чтобы изымать деньги спокойно, очередного партнера нужно было оттрахать до полного его изнеможения.

Потом оказалось, что некоторые спят очень чутко, и Наташке пару раз пришлось убежать. Немного порассуждав, Наташка поняла, что любой человек будет спать крепко, если дать ему снотворного.

В отличие от проституток, работавших с клофелином, Наташка давала снотворное не вместо секса, а после него. Зачем лишать себя удовольствия? Да и пострадавший в результате получал хоть что-то.

А потом... Наташка даже не помнила, когда, впервые глядя на спящего мужика, она ощутила полную власть над ним. Перед ней было живое, теплое тело, с которым она могла делать все что угодно. Все.

Это потом она делала все. А поначалу спящий был просто игрушкой, экзотической и забавной. Наташку это возбуждало и заводило. Она чувствовала, как все тело напрягалось от одной только мысли об этой беззащитности.

Она упивалась этим чувством, и уже не акт привлекал ее, и даже не деньги. Ей хотелось быть хозяйкой, властвовать над партнерами. И ей все меньше и меньше хотелось сдерживаться. Зачем? Все равно она видит этого парня первый и последний раз в жизни.

Странное возбуждающее желание росло в ней, обжигая изнутри. Однажды, не сдержавшись, она впилась в тело зубами и чуть не потеряла сознание, почувствовав вкус крови. Тогда она смогла остановиться. Метнулась к водопроводному крану, смыла с лица кровь и убежала, даже не забрав деньги. А потом несколько дней ходила как пьяная.

Возбуждение и кровь. И полная власть над чужим телом. Это не могло не случиться, и произошло это не случайно. Наташка вначале все обдумала, подготовилась...

Она помнила все до мелочей. И как остановилась возле нее та машина, и как водитель предложил покататься, и как она сама попросила заехать поглубже в лес, и как выпили с тем парнем вина, и как парень потерял сознание от лошади-

ной дозы снотворного.

Потом уже ощущения несколько притупились, но в тот раз она чуть не сошла с ума. Она знала, что можно не сдерживаться, что можно делать все. ВСЕ. Она даже не представляла, как это будет возбуждать. Делать все.

Тот первый парень... Она даже не стала выяснять, как его зовут. Наташка с самого начала знала, что он умрет. И знала, как он умрет. И даже специально взяла с собой кусок синтетического шнура.

Оказалось, что задушить человека очень просто. Шнур врезался в шею парня, лежавшего на земле лицом вниз. Наташка, возбужденная и перемазанная кровью, уперлась ему в спину коленями и тянула, тянула, тянула шнур, возбуждение ощутимо поднималось по ее телу, судорога наслаждения пронзило ее, и Наташка закричала.

А потом все разом прошло. Она почувствовало, как тело парня перестало быть живым, и это подействовало отрезвляюще. Как сломанная игрушка. Уже не интересна, можно выбросить.

И Наташка выбрасывала свои сложные игрушки. Она была очень аккуратной и не злоупотребляла. Убивала разными способами, чтобы, не дай Бог, не стали искать маньяка убийцу. И убивала она не только мужчин. Женское тело возбуждало ее в этом смысле никак не меньше мужского.

Не прекратила она и своих походов на ловлю мужиков. Трахаться тоже было хорошо. Не так, как убивать, но все-

таки. И еще Наташка перестала усыплять тех партнеров, которых не собиралась убивать. Она боялась не сдержаться.

Она была очень осторожной, и ее очень удивило, откуда о ее развлечениях стало известно еще кому-то. Однажды к ней подошел клиент лет тридцати и явно продемонстрировал, что не прочь с ней перепихнуться.

Но до этого так и не дошло. Усадив Наташку в машину, мужчина сжато изложил ей краткое содержание последних по времени ее приключений. Потом сообщил, что именно ожидает ее за все это. Наташка восприняла это довольно спокойно.

Если бы это был мент, то разговаривали бы с ней по-другому. Значит, он чего-то от нее хочет. Значит, нужно просто выслушать его. То, что он ей предложил, Наташку устроило. Куда там, просто понравилось.

Она переселилась в двухэтажный особняк в дачном поселке, пару раз выполняла мелкие поручения и была довольно жизнью. Беспокоило одно – отсутствие ставших уже необходимыми развлечений. Это ей новый знакомый запретил настрого. На время. Он пообещал ей, что очень скоро все будет по-другому. Нужно только правильно себя вести.

Когда под утро в дверь постучал этот паренек, Наташка даже обрадовалась. Дело было вовсе не в том, что ей нужно трахаться с ним. Это ее как раз устраивало, и это ей было приказано делать как можно больше и как можно чаще.

Он будет твой, было обещано ей, и она рассматривала па-

ренька как свою будущую игрушку. Пусть он пока помечтает, пусть ему покажется, что жизнь прекрасна.

Наташка не сводила с него взгляда, ни когда он ел, ни когда снова поднялся в комнату на втором этаже. Бедняга думал, что она его хочет, и был прав. Он не знал только как именно и для чего она его хочет. Пока не знал.

Наташка дело свое знала хорошо. Когда Андрей Агеев (как и большинство мужчин, кончив, он поспешил представиться) уснул утомленно, Наташка долго лежала рядом рассматривая его беззащитное тело.

Она терпела два месяца, потерпит еще. Только на этот раз она будет забавляться уже без снотворного.

Спи спокойно, Андрюша Агеев.

Суета

Бес так и не получил толком по роже. Палач посмотрел на готового сорваться Жука и тот затих. Оживившийся было по этому поводу, Бес тоже заткнулся, поймав не себе взгляд Палача.

Бес попытался снова подать голос, когда выяснилось, что немедленного дележа бабок не будет.

– Ты чего, в натуре... – начал было Бес, когда все трое вошли в квартиру, – говорили же...

– Что говорили? – спокойно спросил Палач.

– Ну, это, бабки поделить... – Бес быстро отвел свои глаза.

Жук выразительно хмыкнул и ушел в сортир.

– Ты хочешь сказать, что я не сдержал свое слово? – это было сказано спокойно, но по телу Беса пробежали холодные мурашки.

– Н-нет, чего там, ты не... не говорил, просто я это... хотел...

– Хотел пойти и нажраться как свинья? И чтобы тебя замели либо в милицию, либо к братве, которая захочет выяснить откуда у такой шелупони, как ты, столько денег.

Бес попятился к стене. Палач, которого Бес называл Крутым, пугал его до полного обалдения. Бес ни разу не видел, как Крутой злится, или как убивает, но чувствовал в нем страшную силу, которую вовсе не хотел испытывать на се-

бе. Даже Жук, который с точки зрения вечно возбужденного Беса вместо нервов имел веревки, предпочитал в гляделки с Крутым не играть и в споры не вступать.

И, кстати, как показало сегодняшнее утро, план, разработанный Крутым, сработал без сучка и задоринки. Бес уже забыл, как визжал, ползая по мостовой, как пуля дернула дипломат, который он держал в руке.

Вот как пули из его автомата выбивали из тел людей фонтанчики крови, и как хрустнул череп раненого под ударом ноги – Бес помнил. Это его приятно возбуждало.

Нужно было немного выпить, и все стало бы совсем по кайфу.

Зашумела вода в туалете, хлопнула дверь, и Жук вошел в комнату. Крутой сунул руки в карманы плаща и прошелся по комнате. Бес проводил его взглядом.

– Сидите здесь и никуда не выходите. Жук за старшего.

Жук кивнул и глянул исподлобья на Беса. Тот поежился. Не любил он этого уroda, а вот теперь придется провести с ним целый день.

– Никуда не выходить. Вечером я заеду, скажу, что будем делать дальше. Вопросы?

– Я... – подал голос Бес.

– Что?

– Я... нет, ничего.

Палач насмешливо посмотрел ему в глаза и вышел. У него еще очень много сегодня дел. Очень и очень много.

– Чего уставился, придурок? – спросил Бес у Жука.

– Будешь гнать волну – глаз на жопу натяну, – спокойно сказал Жук.

– Да ну тебя...

– Жрать хочешь?

– Да.

– Тогда вали на балкон за картошкой. Почистишь и пожаришь.

Бес тяжело вздохнул. Убил бы козла, своими руками. Ничего, придет время. Придет.

Глава 3

Палач

Город представлял собой смесь воды, домов, людей, машин и грязи. Все влажного серого цвета, со смазанными чертами и нелепыми движениями.

Город копошился как скользкая куча лежалого, забродившего мусора. При каждом движении хлюпало, маслянистая поверхность луж трескалась, и тяжелые капли летели во все стороны.

Палачу показалось, что даже стены домов пропитались водой и сыростью, что достаточно дотронуться до стены рукой – поверхность стены чавкнет, и из щелей вязко ползет серая, ноздреватая грязь.

И все равно, осень ему нравилась. Нравилась своей честностью и определенностью. Весна, как нищенка выпячивала голые ветки и хрупкие ростки, пытаясь вызвать жалость, лето пыталось вскружить голову запахами и красками, зима все прятала под снегом и льдом, раскрашивала безжизненные лица людей морозным румянцем, а осень...

Вот она, грязная, промозглая, вздрагивающая под порывами ветра, давно уже не пытающаяся прикрыть свою наготу лохмотьями одежды. Немытая, нечесаная осень с вечно сле-

зьящимися глазами и пронзительными голосом сквозняков. Как пропитая баба, бесстыдно справляющая нужду у всех на глазах. И плевать ей на всех, и обо всех она скажет правду, потому что уже самой нечего терять. А то, что у нее осталось – несколько месяцев жизни, она с готовностью отдаст за глоток водки.

И не нужно ей уже много, после пары глотков забывает она обо всем и может часами сидеть на одном и том же месте, грязная, растрепанная и мерзко воняющая.

Осень не врет. Она понимает цену жизни. Она понимает, что жизнь не стоит ничего. Ровным счетом ничего.

Палач понимал осень. Не любил, любить что-либо он разучился окончательно, а понимал. Он знал, что это его последняя осень, знал, что время его истекло, знал, что те, кто приказывал ему, уже наметили срок, что задание, которое он с гадливостью сейчас выполняет – последнее задание.

Палач знал это тем внутренним знанием, для которого вообще не нужно иметь информацию. Это знание сформировалось в нем помимо его воли, помимо его сознания. Он не знал откуда, но знал это наверняка.

Это знание позволяло ему смотреть на людей с презрительной усмешкой. Было немного обидно, что вся эта навозная куча будет жить и после его ухода, что он не сможет победить в своей войне против людей. Но это он знал изначально – людей слишком много.

Лучше бы это случилось осенью, и небо пусть будет затя-

нута тучами, чтобы не было видно звезд. И чтобы не радовались люди, чтобы вода слепила их глаза, а тела их чтобы дрожали от сырости и холода.

Палач отступил в сторону, пропуская пробегающую в арку двора кучку мальчишек. По грязи, по лужам, не разбирая дороги. Они не замечают всего этого, не замечают, что грязь уже облепила их ноги и одежду, что она уже вцепилась в их тела и души.

В окне третьего этажа штора была отдернута. Палача сместила эта предосторожность, но хозяин квартиры относился к этому очень серьезно. Очень серьезно. Хотя прятаться ему было не от кого. Через него Палач получал информацию и приказы, и через него же передавал отчеты и заказы. Никто не мог угрожать связнику, но он всегда был преисполнен серьезности и деловитости, или того, что он принимал за деловитость и серьезность.

Палач про себя называл его Пустышкой. Он и действительно был пуст. Он не вызывал к себе даже никаких чувств. Он даже не был человеком. Так, призрак, обманка. Пустышка.

Наверняка он сидит с самого раннего утра возле окна, наверняка уже давно заметил Палача, но когда тот нажал кнопку звонка, за дверью почти пять минут было тихо, потом щелкнул замок, но дверь приоткрылась только на длину цепочки.

– Вы одни? – каждый раз один и тот же вопрос.

– Да.

Пустышка с сомнением помолчал, потом дверь закрылась, звякнула цепочка, дверь открылась, и Пустышка сдавленным голосом пригласил войти. Как только Палач переступил порог, дверь захлопнулась.

– За вами никто не следил?

– Нет, – как обычно ответил Палач.

Интересно, как Пустышка отреагирует, если однажды Палач скажет, что за ним следили?

Квартира Пустышки была заполнена смесью запахов прелости, грязного белья и какого-то варева. Палач никогда не проходил дальше коридора, ему становилось противно от одной только мысли, что вдруг Пустышка предложит ему сесть или, не дай Бог, попить чаю.

Пустышка не предложил. Он всегда очень старался побыстрее выпроводить Палача. Принять информацию, передать пакет и, отведя бегающий взгляд молча открыть дверь перед уходящим. Пустышка, сгусток вонючки и страха.

– Здесь пленка, – сказал Палач, положив кассету на тумбочку со старым телефоном возле вешалки.

– Хорошо, – сказал Пустышка и положил на тумбочку возле кассеты небольшой пакет, – это для вас.

Палач молча взял пакет, взвесил его на руке, потом внимательно осмотрел обертку. Пустышка побледнел. Он всегда бледнел в такие моменты, и на лбу его выступали капельки пота. Палачу было наплевать на состояние пакета, он знал,

что Пустышка скорее бы умер от страха, чем заглянул в пакет. Знал и все равно проверял пакет. Проверял только для того, чтобы увидеть выражение страха и неуверенности на лице Пустышки.

Капельки пота быстро стекли по лбу к носу, и собрались в каплю, которая повисла на кончике носа Пустышки.

Палач хлопнул пакетом по ладони, Пустышка как всегда вздрогнул и капля упала на пол.

– Ладно, – сказал Палач и спрятал пакет во внутренний карман плаща.

Пустышка засуетился, распахнул дверь.

Теперь почти час Палачу будет казаться, что одежда его пропиталась смрадом квартиры связника. На крыльце Палач остановился и посмотрел на часы. Девять часов. У него имеется небольшой люфт по времени. Можно не торопясь пройтись до места парковки запасной машины. Ту, на которой отвез Жука и Беса, Палач спрятал.

Вряд ли кто-то сможет связать ее со стрельбой возле ночного клуба, но лучше быть осторожным. Ту машину можно будет использовать еще раз. Сегодня ночью.

Хорошая погода, подумал Палач, пережидая, пока мокрая суетливая толпа вдавится в подошедший троллейбус. Люди толкались молча, с остервенением отталкивая друг друга от дверей. Все влезть не сумели, и оставшаяся часть втянулась на тротуар.

Кто-то остервенело отряхивался, размазывая пятна грязи

по одежде. Грязь, подумал Палач, жрущая, дышащая, плодящая сама себя грязь.

Каждый комочек в отдельности был хлипким, но вот так, толпой, они могли подобно селевому потоку в горах снести все на своем пути.

А он так и не доказал никому своей правоты. Никому. Даже с ребятами из своей прежней группы он так и не поговорил об этом. Хотя, вряд ли они поняли бы его. У каждого из них была своя боль, и эта боль надежно прятала их от его сомнений и его правоты.

И эта правота делала его одиноким.

Палач обошел высматривающих новый троллейбус людей и быстрым шагом двинулся к автостоянке. Лучше всего, если он приедет на место немного раньше.

Ему предстоит быть только зрителем. Все, что должно произойти через час, спланировал он, но выполнять это будут люди. Его люди, как ни абсурдно это звучит. Он, оружие, отдал приказ людям, и они выполняют его приказ.

Палач всегда точно выполнял приказы, он не представлял себе, что можно приказа не выполнить. Он был оружием, а оружие не сомневается. Он не сомневался, но он и не представлял себе, как легко управлять людьми, как легко заставить их выполнять его работу. Убивать людей.

Они готовы вцепиться в глотку друг другу, Палач вспомнил, как Бес и Жук смотрели друг на друга. Солдат и Наташка... тут даже он не мог до конца представить себе, что мо-

жет произойти после того, как он перестанет их сдерживать.

Остальные... Как поведут себя остальные, он сможет узнать меньше чем через час. У него еще много времени для того, чтобы занять место в первом ряду и насладиться зрелищем.

Хотя ничего кроме отвращения это у него вызвать не могло.

Дождь почти стих. Или это уже был не дождь, а просто туман оседал мелкой пылью. Вдалеке послышалась милицмейская сирена. Где-то что-то случилось.

Город большой, в нем всегда что-то случается. За всем не уследишь.

Возле своей машины Палач остановился, посмотрел на тучи, взглянул на часы. Все в порядке. Все будет так, как он спланировал. И через час, и через месяц, и...

И когда настанет его момент.

Наблюдатель

Интересно, что сейчас делает Палач? Гаврилин положил постельное белье в тумбочку и захлопнул дверцу. Я бы на его месте спал. Гаврилин с ненавистью посмотрел на стену, отделявшую его квартиру от соседской.

Естественно, крики уже прекратились, и за стеной царил мир да покой. Но рассчитывать на сон уже не приходилось, Гаврилин великолепно знал себя. Теперь всякая попытка уснуть будет обречена на провал после того, как он несколько часов проворочается на диване.

Нет уж спасибо. Лучше подождать до вечера и тогда...

Раз уж спать все равно не получается, можно предаться греху чревоугодия. Вот обожрись и помру молодым, пропел вслух Гаврилин. И никто мне не указ. Ни Артем Олегович, ни Палач.

Гаврилин двинулся было на кухню, но решил, что в квартире слишком тихо. Он всегда разрывался между двумя прямо противоположными желаниями. С одной стороны – как приятно посидеть одному, в тишине, когда никто к тебе не пристает, не теребит, не заставляет бежать куда попало, или ночами сидеть над допотопным пультом связи, тупо пытаясь не уснуть.

Закрыв же за собой дверь квартиры, Гаврилин уже через пару часов начинал тяготиться и одиночеством и тишиной.

Тут у него выбор был небольшой: магнитофон, телевизор или собственный монолог.

Утром лучше всего помогает просто музыка, лучше громкая и иностранная. Не хватало еще вслушиваться в текст. Гаврилин порылся в кассетах, выбрал «Скорпов», сунул их в кассетник и щелкнул клавишей. Потом оглянулся на стену и сделал музыку погромче. Мелочно, конечно, и пошло, но некоторое удовлетворение от этого он получил. Тем более что, насколько он знал, в ближайших окрестностях его квартиры маленьких детей не было.

Так о чем это мы? О планах на счет пожрать. Путь к сердцу мужчины, ясное дело, лежит через его желудок. Гаврилин открыл холодильник и присел перед ним на корточки.

М-да, теперь понятно, почему он так себя не любит. Если бы он был женат... Ну, предположим, что он был бы женат, то сразу после такой ревизии семейного холодильника наступил бы развод.

Более – менее сносно выглядели четыре сосиски в мутной целлофановой оболочке. Маргарин в пластиковой банке сохранился только в виде тонкого слоя на стенках. Кастрюлька с макаронами. Вчерашними. Гаврилин задумчиво посмотрел на бледный комок теста. Позавчерашними. Вчера он позавтракал остатками хлеба и молока. Остатки макарон он варил позавчера. На завтрак.

Банка килек в томате. Гаврилин выдвинул пластмассовый ящик внизу холодильника и обнаружил там скукоженное яб-

локо.

Убивать таких хозяев надо. Расстреливать из рогатки двадцатимиллиметровыми гайками. Макаронам, не смотря на голод, прямая дорога в мусоропровод.

Джеймс Бонд позавтракал холодной телятиной, рыбой и фруктами. Фиг вам, сосиски не телятина, и есть их холодными никто не собирается.

Гаврилин вытащил из печки сковороду. Материальное воплощение старого тезиса о том, что нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Что ему мешало сразу помыть сковороду еще неделю назад?

Гаврилин сунул сковороду в мойку и включил горячую воду. Ага, он потому не помыл сковороду сразу, что накануне выбросил тряпку в мусор. Как называется жизненный уровень человека, который даже тряпки для мытья грязной посуды не имеет? А как называется сам этот человек?

Гаврилин потер остатки подгорелого жира на сковороде пальцами. Ничего, получится. И вообще, если не удалось найти чистую посуду, есть придется с мытой.

А вы трус, господин Гаврилин. Сколько ухищрений и стараний только для того, чтобы не думать о неприятных вещах! Ведь все просто и ясно. Сегодня твоя жизнь сделает очередной выверт, и, будь твоя воля, ты бы постарался оттянуть это на как можно более поздний срок.

На год, два. До морковкина заговения. Ладненько, ладненько. Чего прицепился? Хочешь порассуждать о сложных

проблемах – сколько угодно. Сколько угодно.

Итак, Палач. Возраст, биография – особой роли не играют. Профессия – убийца. И еще какой. Гаврилин вспомнил свои ощущения после того, как впервые познакомился с служным списком Палача и его первой группы.

Не знаю как он мыл посуду, но людей он отправлял на тот свет профессионально. Действия его были, как правило, точными и стремительными. Из всех возможных вариантов он выбирал наиболее простые и действенные. И его никогда не останавливала необходимость пролить лишнюю кровь.

Гаврилин скептически посмотрел на мокрую сковороду. Третий сорт – не брак. Не от дерьма же он, в конце концов, ее отмывал, а от еды. Можно жарить сосиски. Вот будет хохма, если в доме кончились спички.

Есть. Не все еще потеряно для хозяина этого дома, если в кухонном столе еще есть почти полный коробок спичек.

Если есть на свете талант к убийствам, то Палач им обладал в полной мере. Талантище, глыба. Такое не может не вызывать душевного трепета. Благоговейного ужаса и банального страха. И вызывало. Даже у Конторы закончилось терпение.

Гаврилин соскоблил маргарин со стенок банки и сунул эти ошметки на разогревшуюся сковороду. Маргарин зашипел и поплыл к краю сковороды, оставляя за собой след из трескающихся пузырьков.

Палачу дали последнее задание с таким расчетом, чтобы

оно стало действительно последним. В бумагах этого, естественно, не было. Как не было в бумагах и цели последней операции. Была зафиксирована необходимость убить конкретного человека, еще лучше двоих. Зачем это нужно было сделать – вынесено за скобки. И укрыто мраком. Гаврилин об этом узнал случайно.

Вообще Палач занимал странное положение в конторе. Он выполнял приказы на уничтожение без объяснений, однако часто ему просто указывалась цель, и он сам находил методы ее достижения.

Для того чтобы убить тех двоих, Палач уничтожил девять человек, причем двое из них – случайные свидетели. Странно, что он не убил вообще всех свидетелей. Тогда наблюдатель Гаврилин не маялся бы сегодня от недосыпания над печкой.

Гаврилин вспомнил июльский зной, залитое солнцем кафе и падающего навзничь человека с кровавым месивом вместо затылка.

Очень аппетитные воспоминания. Как раз к завтраку. Приятного аппетита и поехали дальше.

Так или иначе, но обоих членов своей группы Палач потерял. И перед ним была поставлена задача создать новую группу.

В эту страшную тайну Гаврилин был посвящен. И даже производил предварительный отбор кандидатур. Наблюдатель он, в конце концов, или не наблюдатель? В конце кон-

цов, с конца на конец и концом по концу. Наблюдатель. Только вся его работа по отбору свелась к ознакомлению со списком возможных кандидатур. Сам список готовился, как понимал Гаврилин, аналитиками, а право окончательного выбора оставалось за Палачом.

Практически все кандидаты имели реализованную склонность к насилию, к суду и следствию не привлекались, в преступные группировки не входили.

Логику, которой при отборе руководствовался Палач, Гаврилин постичь не смог. Попытался несколько раз предположить, но всякий раз ошибался. Кроме одного случая. Гаврилин обратил внимание на двадцатилетнего парня, который попал в список кандидатов из-за своей любви к меткой стрельбе. По живым мишеням.

Студент третьего курса университета где-то раздобыл карабин и минимум дважды убил водителей в проезжавших мимо автомобилях. Механизм выявления стрелка был для Гаврилина не совсем понятен, но результаты впечатляли.

По одному выстрелу, в одном случае по машине на скорости около шестидесяти километров в час, во втором – около ста. Но даже не это выделило стрелка из общего списка. Просто он не получал от стрельбы ничего, кроме удовлетворения от попадания. Чисто спортивное достижение.

И его отобрал для своей группы Палач.

Сегодня ночью к его группе присоединился еще рядовой Агеев. И наблюдатель приглашен на встречу к начальству.

Совпадение?

Магнитофон в комнате выключился, закончилась кассета. Как, собственно, и еда.

Поражаясь себе, Гаврилин тщательно вымыл посуду и даже вынес мусор в мусоропровод на лестничной клетке.

Все говорит о том, что в ближайшее время группа Палача начнет действовать. Если уже не начала. А он еще удивлялся, зачем понадобилось забирать Агеева прямо из караула, а не каким-нибудь другим способом.

Гаврилин на минуту остановился перед зеркалом. Вот такие вот пироги. Что, интересно, произошло в караулке? Если Палач что-то делает, он делает это продумано.

Нужно будет уточнить сегодня в семнадцать ноль – ноль. И еще нужно прямо сейчас отправляться в магазин, чтобы пополнить запасы продовольствия. Если предположения Гаврилина верны, свободного времени у него теперь будет очень мало.

И еще Гаврилин подумал, выходя из квартиры, что, скорее всего Палач сейчас не спит.

Суета

Поначалу всем казалось, что церемония из-за дождя сорвется. За полчаса до начала дождь стал редеть, потом стих совсем, оставив в воздухе только оседающую водяную пыль. Успокоился даже пронизывающий ветер, не стихавший уже дня три.

Суетилась обслуга, укладывая на ступеньки красную ковровую дорожку, выставляя микрофоны и протягивая поперек двери ленточку. Пара официантов суетилась возле стола с шампанским, по периметру площадки сновали серьезные парни, время от времени, переговариваясь через портативные рации.

Предосторожность не лишняя, хотя являвшаяся скорее данью правилам, чем реальному риску. Те, кто должен был умереть в связи с открытием Центра досуга, уже умерли.

Первым был директор фирмы, решивший, что кому угодно можно располагать прибыльные предприятия в самом центре города. Ему дали возможность закончить проект, а потом директорская машина случайно слетела с трассы, похоронив под обломками директора вместе с водителем и охранником.

Через неделю было объявлено, что право строительства было передано фирме, работавшей под крышей одного из местных авторитетов, но правом своим фирма воспользо-

ваться не успела.

Авторитет передумал заниматься Центром досуга, но было уже поздно. Похороны прошли пышно и помпезно.

Все заинтересованные лица внимательно следили за тем, кто окажется наследником. Через месяц заинтересованные лица стали лицами понимающими. На торжестве, посвященном закладке первого камня, почетное право этот самый камень заложить получил Сергей Владимирович Борщагов, предприниматель, меценат, депутат и близкий друг Хозяина.

После того, как в деле мелькнула фигура Хозяина, все поняли, что владелец Центра определился окончательно. Кукарекнувший было по этому поводу журналист уснул, забыв выключить газ на кухне, и все материалы в средствах массовой информации по поводу Центра приобрели тональность восторженную и уважительную.

Оказалось, что без смеси казино, ресторана и публичного дома культурная жизнь города была обречена на прозябание. Открытие Центра досуга было просто обречено стать событием значительным.

За пятнадцать минут до назначенного времени стали съезжаться уважаемые люди города. Пресса и телевидение были здесь несколько раньше. Прибыл приглашенный для освящения борделя святой отец.

Сам Борщагов появился без пяти минут десять, пожал руки наиболее значимым из приезжих и в сопровождении двух телохранителей и любовницы поднялся по ступеням крыль-

ца к микрофону.

Гости зааплодировали. Борщагов слегка поклонился, удостоил кого-то из приехавших персональным взмахом руки и демонстративно поднес к глазам ручные часы.

Гости оценили этот жест. Дата и время открытия были названы полгода назад, и Сергей Владимирович демонстрировал всем точность.

Палач, стоявший метрах в пятидесяти от Борщагова в скверике на другой стороне улицы, также взглянул на часы. Без двух минут десять.

Без двух минут десять было и на часах Стрелка. Он сидел возле приоткрытого окна загаженной комнаты в коммунальной квартире на третьем этаже. Хозяин комнаты в настоящий момент находился на кухне в компании Блондина, парника Стрелка, и доводил себя до кондиции, отхлебывая водку из горлышка.

Егорка, хозяин комнаты, считал, что ему здорово повезло. Парень не соврал, выпивка действительно была классной, и было ее много. А зачем парню нужно было сидеть одному в комнате – это его, парня, дело, и за это дело нужно выпить.

Кроме Егорки, Стрелка и Блондина в коммуналке не было никого, соседка ушла на работу, а ее муж уже месяц как не появлялся домой.

Борщагов одернул рукав плаща и решительно шагнул к микрофону. Все, даже охрана, посмотрели на него. Плащ был распахнут, демонстрируя всем темный костюм с депу-

татским значком на лацкане.

– Год назад я дал вам слово, – сказал Борщагов.

Голос Сергея Владимировича, усиленный динамиками поднял в воздух стаю голубей. «... лово!» отразилось эхом от домов напротив и сползло по фасаду Центра.

– Слово свое я привык держать. Сейчас ровно десять часов и я хочу...

Стоявшая рядом с Борщаговым любовница широко улыбалась окружающим. Ей было совершенно наплевать на все происходящее, мерзкая погода ее бесила, теперь еще предстояло ходить за Борщаговым и его придурками гостями по помещениям центра. А Борщагов, кстати, так и не выполнил своего обещания и не сделал ее директором Центра.

Любовнице было совершенно плевать на митинг, слову Борщагова она не верила, взгляд ее блуждал по окнам дома напротив, и поэтому единственная из всех присутствовавших она заметила вспышку в окне на третьем этаже.

Кровь

Выстрела никто не услышал. Борщагова швырнуло на спину. Динамики бросили в серые низкие тучи то ли вскрик, то ли всхлип, а потом все перекрыл женский вопль.

То, что в грудь виновника торжества попала пуля, поняли лишь через несколько секунд. Телохранители автоматически обернулись к телу, которое должны были охранять.

Пиджак на груди Борщагова был разорван, на губах пузырилась кровь и тонкой струйкой стекала по щеке. Тело выгнулось дугой, руки скребли по мрамору крыльца, а ноги в дорогих лаковых штиблетах дергались, потом движения стали мельче, по телу прокатилась судорога, и Сергей Владимирович Борщагов, предприниматель, меценат и депутат, застыл, уставившись широко открытыми глазами в небо.

Усиленный динамиками визг любовницы убитого сорвал с мест всех присутствовавших. Люди бросились в разные стороны, некоторые падали, пытаясь укрыться от возможной стрельбы за парапетами и бордюрами.

Телохранители были парализованы. Уже давно они считали свою должность своеобразной синекурой, понимая, что пока Хозяин в городе, никто не станет пытаться добраться до охраняемого тела.

Они даже не попытались понять, откуда именно стреляли. Синхронным движением оба отскочили за колонны, один,

правда, потащил за собой не переставшую визжать любовницу покойного шефа.

Палач взглянул на часы. Десять часов одна минута.

Егорка услышал выстрел в соседней комнате и удивился, не смотря на большую дозу выпитого.

– Чего это там? – спросил он у Блондина.

– А хрен его знает, – улыбнулся широко Блондин, – может, застрелился друзан мой.

– Типун тебе, – пробормотал Егорка и попытался встать.

– Я помогу, – Блондин подошел к Егорке сзади и левой рукой взял его за локоть.

Потом рука его скользнула по плечу, сжала Егоркин рот, тот от неожиданности поперхнулся, попытался встать, Блондин потянул его тело к себе и ударил ножом справа под ребра. Егорка дернулся, то ли резко выдохнул, то ли попытался крикнуть, дыхание его с легким шумом скользнуло между пальцами Блондина, закрывавшего рот.

Блондин продолжал удерживать тело Егорки, брезгливо отодвинувшись чуть в сторону, чтобы не запачкаться. Крови было немного.

На пороге кухни показался Стрелок, с большой спортивной сумкой в руках.

– Все в порядке?

– В полном, – ответил Блондин и аккуратно положил тело Егорки лицом вниз на пол. Вытащил из кармана платок и осторожно обтер рукоять ножа, торчащего в спине труп.

Дом был старым, стены толстыми, люди давно отучены от любопытства, поэтому выстрела или никто не услышал, или просто не обратили на него внимания.

Блондин задержался, закрывая дверь квартиры на ключ, потом бегом догнал не торопясь идущего Стрелка.

– Не суетись, – сказал Стрелок.

– За собой следи, – огрызнулся Блондин.

– Не привлекай внимания, идиот.

– Да пошел ты...

– Ты это расскажешь Главному.

Блондин осекся. Главный действительно предупреждал, чтобы не суетились. Бегущий человек привлекает внимание.

Они прошли через вереницу проходных дворов, пустых по причине плохой погоды. Стрелок на минуту спустился в подвал полуразрушенного флигеля и сунул сумку в кучу мусора.

Вышли они на улицу возле овощного магазина и, не торопясь, подошли к подъехавшей машине, за рулем которой сидел Палач.

Он не обернулся к ним, пока они садились, и сразу же тронул машину, услышав, как хлопнула задняя дверца.

Навстречу им по улице с сиреной пронеслось несколько милицейских машин.

Снова пошел дождь. Расползавшуюся под телом Борщогова лужу крови начало потихоньку размывать с краев. Капли воды били по открытым глазам, пока кто-то не прикрыл

тело красной тканью ковровой дорожки.

Ленточку, которую так и не успел перерезать Сергей Владимирович, разорвал кто-то из obsługi, бросившись в вестибюль Центра.

Разговоры

– Вы продолжаете считать, что все идет как нужно?

– А что вас заставляет думать иначе?

– Во-первых, эта бойня в карауле...

– Это действительно не оговаривалось.

– Вот именно.

– Но никто и не запрещал Палачу самому выбирать методы. Нас интересуют результаты.

– Извините, но семь трупов...

– Хоть двадцать семь. Мы с вами оба понимаем, что потери неизбежны. Или я остался в одиночестве?

– Только не надо этой иронии. Я говорю о том, как это все ложится в общую схему операции.

– На мой взгляд – неплохо. Во всяком случае, это не помешало акции возле клуба. Ведь не помешало же?

– Не нужно меня уговаривать. Просто легенда основной операции слабо увязывается с убийством ни в чем не повинных солдат.

– Палачу всегда представляется известная самостоятельность. В конце концов, он великолепно знает конечную цель, и, судя по всему, решил, что это не помешает.

– Но этот солдат, Агеев, таким образом, становится слабым звеном группы Палача. Его уже ищут, известно его лицо, ориентированы все подразделения.

– И?..

– А если кто-то наткнется на него? Просто случайно, возьмет и наткнется.

– Значит, судьба у него такая.

– Шутите?

– Естественно. Я просто не думаю, что Палач не включил все это в свои планы.

– А наблюдатель?

– Ну, уж роль наблюдателя в данном случае вовсе не изменилась. Он должен получить полную информацию по операции «Волк», ознакомиться с ней в течение суток, ну и так далее.

– «Волк», насколько я помню, подразумевает вовсе не борьбу с собственной армией.

– Так уж и с армией. Самый банальный случай внезапной вспышки насилия, мы ежемесячно знакомим население с подобными случаями. И, кстати, это может нам помочь объяснить наблюдателю, почему именно сегодня он получил более полный доступ к информации по «Волку».

– Палач выходит из-под контроля?

– Ну почему же выходит? Так, небольшой сбой. Но мы не можем больше рисковать. К тому же, характер Палача становится немного неустойчивым, дополнительный контроль не помешает. В конце концов, в этом есть доля правды.

– Извините, я просто немного устал.

– Я вас понимаю. Ничего, подключим полнее Гаврилина,

и у нас появится немного свободного времени. Мы с вами переходим к этапу, когда наше вмешательство не понадобится. Пока. Вы, кстати, за жалобами на самоуправство Палача забыли оценить две последующие акции. Чисто и красиво. И все за один день.

– Ну, это-то как раз Палач умеет превосходно.

– Что бы мы без него делали?

– То же самое.

– Но, тем не менее, в том, что он остался жив, есть и положительный момент.

– Но, тем не менее, я вздохну свободнее по окончании, когда Палач станет достоянием истории.

– Подождем до рождества.

– Подождем.

– И отдохните, пожалуйста, я вас прошу. Хоть несколько часов. Если хотите, это приказ.

Палач

Высадив Блондина и Стрелка, Палач внезапно ощутил усталость. Странно.

Палач остановил машину возле парка и откинулся на спинку кресла. Странно и неприятно. Ему не нравились собственные ощущения. Все было не так, все было необычно и вызывало отвращение.

Он ненавидел людей, ненавидел их за желание спрятаться за чужие спины, за попытку переложить собственные проблемы на оружие, за то наслаждение, которое они испытывают, уничтожая себе подобных.

Он никогда не задумывался, почему люди ведут себя именно так, зачем им это нужно. Как ни странно, он очень мало общался с людьми.

Когда их убивал, это было его работой, сам он был оружием, и его не интересовало, о чем думают люди, за жизнью которых он пришел. Что они чувствуют.

Единственно, что он делал всегда, это не заставлял людей мучаться. Смерть от его руки всегда была быстрой. Почему он убивал тех, а не других, почему те, кто отдавал ему приказы, выбрали из всего человеческого стада на заклание именно этих баранов? Он не задавал вопросов.

У него никогда не было времени посмотреть на все со стороны. Никогда. Он действовал, и мир отступал вдаль, остав-

для ему только то, что сейчас было важным: расстановка и количество целей, дистанция, сектора обстрела или источники возможной угрозы...

В такие моменты он переставал чувствовать свое тело, оно действовало помимо его воли, выполняя программу, заложенную им же самим. Выполнив задание, он и группа уходили, никогда не возвращаясь на место акции.

Да, он знал что делает, знал, что отнимает у людей жизни, но это оставалось всегда за спиной.

Сегодня... Сегодня он впервые был вынужден просто сидеть и смотреть, как нелепые фигурки играли пьесу, написанную им. Как странно все это выглядело, как нескладно двигался Бес, нелепо тыча автоматом в сторону падающих людей, как неуклюже ворочался он на мостовой, пытаясь поднять автомат, и как странно вели себя те трое, попав под его очередь.

Глупо, нелепо, а он сидел в машине и продолжал фотографировать все происходящее. Он даже не предполагал, что можно заметить летящие в сторону гильзы, он даже не думал о них почти никогда.

Если бы он делал все это сам, от его внимания ускользнули бы и такие ничего не значащие детали, как пятно грязи, появившееся на рукаве одного из убитых, после того, как он упал, и то, что голова упавшего от удара о камень нелепо подскакивает.

Он сам взвалил на себя эту ношу. Люди думают, что он

действует так по их приказу. Чушь. Он сам все это придумал, но от этого ему не легче. Наоборот.

У него был соблазн. В проходном дворе, когда машина остановилась, и Жук вместе с Бесом бросились к нему, Палач вдруг захотел разрядить в их лица обойму пистолета. Желание было настолько сильным, что Палач был вынужден стиснуть баранку и сцепить зубы.

Только чудом он сдержался. Странно, но помогла ему удержаться шинель. Бес не бросил ее на землю, как было приказано, а полез на заднее сидение прямо в ней.

Это было нарушение плана операции, Палач отреагировал на него, и все вернулось в прежнее русло. У него хватило сил и на то, чтобы встретиться с Пустышкой, и на то, чтобы вывезти Стрелка и Блондина.

А вот теперь силы кончились. Он был словно высосан изнутри. Осталась только оболочка. Или, наоборот, его просто переполнило чувство ненависти ко всему миру, к людям, к себе самому. Просто та оболочка, в которую он запрятал себя очень давно, слишком износилась, начинала разлазиться и скоро лопнет окончательно.

Палач знал это. Знал, что это произойдет очень скоро, и также знал, что сам делает все для того, чтобы ускорить катастрофу.

Хочет ли он умереть? Действительно в нем исчез этот инстинкт сохранения жизни, или Палач только обманывает себя?

Он ведь может остаться в живых, он ведь может исчезнуть, и никто не сможет его найти. И этим приравнять себя к тем, кого он все эти годы презирал, кто был для него символом самого грязного и ненадежного. Он не человек. Он не из этого смрадного муравейника, пожирающего самого себя. Он знает, как следует выполнять приказы.

Знает. И знает, что этот приказ он сможет выполнить только ценой собственной жизни.

Палач не боялся этого. Пугало другое. Если он погибнет, выполняя последний приказ, он докажет себе, что остался оружием до конца. Но те, кто ему приказ отдал, они решат, что он был настолько глуп, что не понял, какую западню они подготовили для него.

Поначалу ему показалось, что он не сможет решить эту проблему. И это вызвало в нем ярость. Нет, он не проиграет людям, даже играя по их правилам, он прав, он всегда был прав и смерть подтвердит его правоту.

Он нашел решение и, найдя его, в первый раз понял, что уже смирился со смертью. И не испугался. Оружие не способно испытывать страх.

Он знал, что отдающие приказы никогда не скажут ему всего до конца. Но и им не удастся предусмотреть всего. А потом будет поздно. И они поймут, что он был прав.

Он это решил, и это будет так. Только очень уж тяжело было носить на себе шкуру человека. Смертельно тяжело.

Ветер швырнул в лобовое стекло машины мокрую газету,

и Палач вздрогнул. Тело перестает ему подчиняться, оно начинает жить своей жизнью.

Пусть так. Со своим телом он разберется потом. А сейчас ему нужно заняться делом. Нужно работать с группой, времени осталось не так уж и много, и график работы ему дали весьма напряженный.

Палач вынул из кармана плаща пакет, полученный от Пустышки, вскрыл. И улыбнулся. Все как обычно. Убивать, убивать, убивать.

Они словно торопятся использовать его полностью, так иногда поступал и он, не экономно расстреливая патроны и зная, что после того, как обойма закончится, оружие он просто выбросит.

Ну что ж, он доставит им это удовольствие. Он безотказен, он не знает промаха. А потом...

Потом будет потом.

Палач, не торопясь, тронул машину с места. Как там у нашего солдата дела? Как ему гражданская жизнь? Как ему гостеприимство Наташки? Жизнь прекрасна, ублюдок?

Грязь

Он находился в самом центре безумного движения и не мог рассмотреть ничего. Глаза были бессильны против окружавшей его темноты, но он чувствовал это движение, это стремительное вращение, от которого кислый комок подступал к горлу.

Агеев знал, что спит, знал, что это только кошмар, но как ни пытался проснуться – это у него не выходило.

Круговерть темноты затаскивала его все глубже, Агеев тонув в ней, под аккомпанемент своего сердца.

Проснуться, проснуться, проснуться – билась в голове мысль, но и она только вплеталась в лихорадочный стук сердца. Движение становилось все стремительнее, и темнота все плотнее прижималась к его телу.

Он чувствовал, как волны накатывают на его тело, как гладят его тело, чувствовал, что тело поддается этим движениям, чувствовал, как возбуждение поднимается из глубины его тела или нисходит на него из темноты, но и это возбуждение не становилось между ним и ужасом.

Два противоположных чувства схлестнулись в нем, страх и наслаждение, слились в каком-то едином порыве и Агеев застонал.

Стон на мгновение подтолкнул Агеева к пробуждению, на секунду приостановил безумное вращение вокруг него, но

потом темнота разом захлестнула горло, и следующий стон так и не вырвался наружу.

Он задыхается. Он задыхается и, если не сможет проснуться, погибнет. Не во сне, не в кошмаре, он погибнет на самом деле.

Агеев рванулся и почувствовал, как темная тяжесть пода-лась, отшатнулась, но горло не отпустила. Он может, он дол-жен спасти себя, иначе...

Агеев ударил, ударил не примериваясь и не рассчитывая силу. Он просто взмахнул сжатой в кулак рукой и почувство-вал, что темнота, душащая его материальна. Он ударил еще раз, чувствуя, что еще немного, и силы оставят его.

Темнота сменилась цветными пятнами, которые вспыхи-вали перед его закрытыми глазами бесшумными взрывами.

Ему нужно открыть глаза. Открыть глаза. Открыть...

И горячая безумная волна вдруг потрясла его тело, свела судорогой каждую клеточку, каждую жилку. И это безумие на самой грани жизни внезапно вытолкнуло Агеева из кош-мара. Глаза его открылись.

Темно-карие глаза с расширившимися зрачками были пе-ред самым его лицом. Близко – близко. Они заслонили со-бой все вокруг, Агеев почувствовал, что его затягивает, что безумная темнота его кошмара не исчезла, а просто затаи-лась в этих глазах.

И он ударил, на этот раз сознательно, зло. Рука скользнула по ее плечу, и хватка на горле немного ослабела. Агеев левой

рукой схватил ее за волосы и с силой потянул от себя. И снова ударил, на этот раз по лицу. Ладонью, наотмашь, словно желая отбросить от себя это лицо.

Ему даже не пришло в голову попытаться разжать ее руки, он хотел оттолкнуть от себя кошмарный сон, который скрылся в зрачках этих глаз.

Он снова ударил. И еще раз, и еще.

Ее тело подалось назад, Агеев почувствовал, как воздух потек в пересохшее горло. Еще удар.

Он не смог отбросить ее прочь, они просто перевалились на бок, потом он оказался сверху и уже не она, а он сжимал ее тело.

Ее руки скользнули с его горла к плечам, оставляя на коже царапины. Агеев чуть не захлебнулся воздухом, всхлипнул и увидел, как темно-карие глаза снова приблизились к нему:

– Проснулся? Ну, давай, давай... Ведь ты хочешь еще? Я знаю, хочешь.

Ноги ее сжали его бедра, и Агеев почувствовал, как в нем просыпается желание, как с теми малолетками. Спротивляться? Это только распяляло его, царапаться, но и боль только подстегивала его.

Он почувствовал вкус крови на ее лице. Это он, это его пощечины разбили ей губы. Агеев застонал.

Кровь стучала в висках, тело его двигалось рывками, все быстрее и быстрее, он словно пытался проникнуть в нее глубже, словно пытался ее проткнуть...

Вся его злость, все напряжение разом выплеснулись из него, он закричал, крик его пресекся, и руки подкосились. Агеев замер безвольно.

– Вставай.

– Что?

– Кончил – вставай.

– Я...

Удар с двух сторон по окончаниям ребер перервало его дыхание. Агеев захрипел.

– Не понял? – ее голос доходил до него словно издалека.

Агеев попытался встать, но руки подломились. Он мог думать только об одном – дышать. Он не сопротивлялся, когда ее руки оттолкнули его, перевалили на спину.

– А сила у тебя вся в корень ушла, – долетело до него, – зовут как?

– Ан – дрей. Агеев.

– Андрюша... А меня – Наташка.

– Наташа.

– Наташка. На-таш-ка. Понял?

– Наташка.

– Молодец. Как самочувствие? Лучше?

Агеев кивнул, не открывая глаз. Дыхание восстановилось, сердце успокаивалось. Он почувствовал, как Наташка села возле него на постели. Рука его потеребила его волосы, скользнула по груди, животу.

– Как тут у тебя дела? Совсем упал. – Спокойный тон,

ГОЛОС СЛОВНО ДЕТСКИЙ. – Ну, отдыхай.

Агеев почувствовал Наташкино дыхание на своем лице:

– Тебе нравится убивать?

– Ты о чем?

– Убивать тебе нравится? Ведь нравится. Я ведь это почувствовала. Тебе хотелось меня убить? Хотелось...

Наташка встала с кровати и подошла к зеркалу. Агеев лежал, не открывая глаз, и слышал, как она босыми ногами прошла по спальне.

– Теперь губа напухнет, – сказала Наташка недовольным тоном.

– Извини.

– Извинить? – Наташка вернулась к кровати и рывком оседлала Агеева. – Ничего. Извиняю. Отработаешь.

– Наташа...

– Наташка.

– Наташка, мне нужно встать.

– Вставай.

– Отпусти меня.

Наташка засмеялась:

– А силой меня скинуть не хочешь?

– Нет.

– Правильно. И знаешь, почему правильно? Потому, что ты теперь мой. И если ты не будешь меня слушать – знаешь, что я сделаю?..

– Что?

Наташка наклонилась к самому уху Агеева:

– Я тебя убью.

Наблюдатель

Погодка шепчет. Не то, чтобы Гаврилину вообще не нравилась осень. Осень ему очень даже нравилась, до тех пор, пока не шла на мокрое дело.

А наслаждаться лужами и грязью Гаврилин не умел. И не мог расценивать брызги грязи от проехавшей машины, как дружескую шутку. Чтоб тебе перевернуться, урод!

Стрелять таких надо! Гаврилин с ненавистью посмотрел на удалявшийся «форд» и с отчаянием на брюки.

Единственные приличные. Надо было уже давно обзавестись гардеробом попримочнее, но то желания не совпадали с возможностями, то возможности никак не сходились с желаниями.

Желание сразу же вернуться домой Гаврилин подавил. Половина пути до магазина уже пройдена, есть все равно будет нужно, а придет он к прилавку с сухими штанинами или с мокрыми – сие для истории ничего не значит.

Наоборот, это обстоятельство приблизит суперагента Гаврилина к простому народу, сроднит его с насквозь промокшими толпами на остановках и импровизированных рынках.

Кстати, о рынках. Нужно будет еще картошки купить и капуста всякой. Пора уже заботиться о своем желудке, который как не крути, в настоящий момент ближайший его родственник. И вообще, сколько тех удовольствий у него оста-

лось? Поесть да поспать. И еще не встречаться с начальством. Хотя это, похоже, удовольствие для него сейчас недо-ступное.

И что-то подсказывало Гаврилину, что с начальством те-перь придется встречаться почаще. Почаще, чем хотелось.

Как-то он все это представлял себе во время учебы немно-го иначе. Значительнее, благородней. Он был готов не спать, не есть, даже мокнуть под дождем он был готов для защиты высоких идеалов.

А еще ему очень нравилось слушать на занятиях о духе корпоративности и о готовности пожертвовать жизнью для спасения коллеги.

Жизнь за Палача? Смешно. Палач сам кого хочешь по-жертвует. Можно поспорить, что он от своей работы полу-чает удовольствие. С удовольствием брал бы работу на дом. Дорогая, со мной товарищ, я над ним должен поработать.

Хи-хи, в смысле – ха-ха! И семьи, кстати, у Палача нет. В этом они очень похожи, Гаврилин и Палач. Гаврилин знал и имя его, и фамилию, но в памяти его запечатлелась толь-ко кличка. И не ощущалась в ней претензионность. Просто констатация факта.

Гаврилин, не торопясь, прошел между рядами мокрых торговцев возле магазина. Покупателей было гораздо мень-ше, чем продавцов, и появление серьезно настроенного му-жика произвело среди торговцев некоторый ажиотаж.

Потенциальный покупатель еще не приценился ни к чему,

поэтому за ним с интересом наблюдали все. Он мог хотеть всего, от картошки до водки.

Куплю на обратном пути, решил Гаврилин. На обратном пути. Не хватало еще таскаться с картошкой и овощами по магазинам. И под ноги нужно смотреть. Если не хочешь гулять в хлюпающих ботинках.

Что он знает о Палаче, кроме того, что прочитал в его деле? О деле он совершенно точно знает, что это не полное досье. Наблюдателю было разрешено ознакомиться с выжимками. Почему?

А по качану! Зачем-то было нужно держать наблюдателя и информацию в разных ящиках стола. Ладненько, об этом он сегодня сможет сказать Артему Олеговичу, буде он начнет цепляться с разными дурацкими вопросами.

Группа Палача. Именно. Именно группа. Предыдущая состояла еще из двух, кроме Палача, человек, парня и девушки. Нонешняя его группа не то, что давешняя. Гаврилин знает о шести членах.

Гаврилин хмыкнул. О пяти членах и девушке. Пошляк. Не стройте из себя ханжу. То бишь, группа нынешняя значительно больше чем раньше. Вывод – либо акция будет масштабная, либо будет несколько акций одновременно.

Стоп, колбаса. Гаврилин посмотрел на витрину колбасного отдела. Выглядит, во всяком случае, обалденно. И пахнет. Буженина. Салями. Окорок.

Экспертиза установит, что причиной смерти явилось ис-

течение слюной. А запах? Правильно он делал, что не ходил в магазины. Тут свободно можно сойти с ума от вида, запаха и цен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.